

Шопперт Андрей

Польская карта

Уродина

Андрей Шопперт

**Уродина. Книга третья.
Польская карта**

«Автор»

2025

Шопперт А. Г.

Уродина. Книга третья. Польская карта / А. Г. Шопперт —
«Автор», 2025 — (Уродина)

Приключения Ивана Яковлевича Брехта в России времён Анны Иоанновны продолжаются. Много ли успел сделать он за два года? А вот война за Польское наследство и покажет. Проба сил. Разминка. Впереди два гораздо более сильных врага. Надир в Персии готовит очередную армию. И Блистательная Порта не спит спокойно. Но пока раздираемая панами на части Речь Посполитая.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Шопперт

Уродина. Книга третья. Польская карта

Глава 1

Событие первое

Это даже хорошо, что пока нам плохо
Айболит

Давным-давно, не в те времена, когда деревья были большие, чуть позже, но давно... Купил как-то Иван Яковлевич Брехт путёвку по маршруту Варшава – Краков. Три дня в Варшаве, день в дороге, в мелких городках или замках шастая, и три дня в Кракове, оттуда самолётом назад в Москву. Что можно сказать о Польше? Огромные деньги вбуханы в благоустройство. Кучу пользы поимели паны от вхождения в Евросоюз. Прямо засыпали их деньгами. Все отремонтировано, отреставрировано. Всё красиво, и вся старина выпячена напоказ. Соборы, замки, магазинчики с сувенирами, есть на что посмотреть, и есть что купить туристам. Красивая европейская страна. Обидно, когда сравниваешь с городами в России.

Ну, ладно. Не про то речь. Речь о Праге. Не о чешской. О польской. В настоящей Праге гид сказала, что слово от «порог», там какая-то история славянская с порогом дома... Нет, не запомнилась. Но Праг этот, это не пороги на речке, а именно порог дома. То же самое и с варшавской Прагой. Это порог Варшавы. Исторически Варшава была на обеих берегах Вислы и связана несколькими мостами. Прага, которую Суворов брал во время восстания Костюшко, и Витгенштейн в коем штурме участвовал, расположена на правом берегу. Во время экскурсии в столицу Польши, Брехт был в этой бывшей Праге, приличную часть там сейчас занимает зоопарк.

Словом, был два раза в польской Праге Брехт, один раз сам и один раз проливал там кровь при штурме в тушке графа, тогда, Витгенштейна. И вынес следующее. Не прав был Суворов. Да, он взял Прагу и вырезал там кучу поляков, но при этом положил около двух тысяч человек. Конечно, это был прямой путь на Варшаву и именно там стояли войска Костюшко. Разбить основные силы и войти в столицу мятежной Польши, преследую бегущих защитников Праги, кажется разумным, но...

Брехт решил не повторять эксперимента. Потерять две тысячи человек в его планы не входило. Потому, когда подошли к Праге, Иван Яковлевич дал команду разбить лагерь и готовить еду. Где-то читал про уловку с кострами. Много костров – большое войско. Пусть противник боится. Разбили палатки даже, караулы выставили. Батареи двухпудовых Единорогов на Прагу нацелили и чугунными болванками пару раз по ним пальнули. Как и ожидал, примерно пятьсот поляков, драгун, ломанулись отбить батарею, но попали под прицельную стрельбу штуцеров и потом, когда поспешили удрать, были атакованы паны ещё и лучниками конными, в результате до баррикад, что устроили в Праге, добралось всего пару десятков драгун. По преследующим ляхов башкирам пальнули несколько небольших пушчонок, но тоже ядрами, и не понеся урона, но имитирую панику, башкиры отступили.

Брехт в это время и решил в кровопролитные уличные бои не втягиваться, а поступить хитрее. Великие герои всегда идут в обход. Насвистывая эту песенку, Иван Яковлевич собрал командиров полков и батальонов.

Ходы кривые роет подземный умный крот.
Нормальные герои всегда идут в обход.
В обход идти, понятно, не очень-то легко,
Не очень-то приятно и очень далеко
Зато так поступают одни лишь храбрецы.

– Господа лейб-гвардейцы, – когда все собрались, Иван Яковлевич им по очереди на карте маршрут показал, все одновременно подойти к небольшому походному столику с картой не могли, – по батальону примерно от каждого полка останутся тут. Надо сформировать смешанные, чтобы и бомбардиры были, и гренадеры, и егеря. И нужно мельтешить тут, создавая видимость у ляхов, что нас богато. Постреливать в них из пушек, и вон тот лесок вырубить можно, а брёвна сюда подтащить. Пусть думают зачем нам это надо.

– А зачем нам это надо? – огорошил его братик Густав.

– Не знаю. А знаю! Если они мост взорвут, отступая на левый берег, или подожгут, то нам будет чем ремонтировать. Но это ерунда всё. Поляки должны думать, что все наши войска здесь, и что нас тут все шестнадцать тысяч. Много.

– А там? Увидят же? – ткнул младший Бирон в ту точку на карте, которое отметил Брехт, как место, где основные силы пройдут Вислу. На карте было это обозначено, как деревянный мост. И было это в двадцати примерно верстах южнее того места, где они сейчас находились.

– Увидят. И что? Перебросят за двадцать вёрст отсюда войска. Хотел бы я на это посмотреть. Мы их на марше примем, а отсюда тоже даванём. Только хуже себе сделают. Могут ополчение организовать, но это против гвардия не пройдёт. Смазка для штыков. Кроме того, наличие ополчения позволит не миндальничать в Варшаве, когда мы в неё зайдём. Только это все ерунда. Мы переберёмся через Вислу, и паны отойдут от Варшавы, двинутся на север к Данцигу.

– А тут, если они большой силой навалятся? – правильный так-то вопрос задал старший Салтыков.

– Семён Андреевич, ты тут старшим остаёшься. Стреляй, изображай бурную деятельность, даже в начале ночи, как мы уйдём, можешь вылазку небольшую предпринять. И шуму побольше. Костров побольше. А утром к ним гонец с того уже берега прискачет, и не до тебя будет ляхам. Они будут считать, что их второе войско окружает. Пётр Семёнович, – Брехт повернулся к сыну командира Преображенского полка, тебе башкир доверяю. Людьми не рискуй, но видимость атаки несколько раз организуй. А если получится пощипать ляхов, то и совсем хорошо. Только помни, они люди бесстрашные, могут увлечься и под ружейный огонь подставиться. Аккуратнее.

Событие второе

*Хорош пушкарь – хороша и пушка.
Пушкаря по выстрелу узнают.*

Ночью все пять полков снялись и не верхом, а ведя коней в поводу двинулись на юг к этому мосту. Астрономия и Метеорология встали на сторону русских. На небе полная луна и ни облачка, и млечный путь ещё направление указывает. В принципе, можно и на конях было двигаться. Но пушки скорость задают, так что спешить некуда. Тем более, что даже пешком до рассвета двадцать-то вёрст должны преодолеть.

И преодолели. А тут вона чё. Прибыли к повороту дороги, где она из леса в небольшое селцо на правом берегу Вислы выбирается, выкатились на низкий берег и оказались перед

сожжённым мостом, да ещё пушчонки на том берегу. И ведь даже пульнули пятисантиметровыми чугунными ядрышками по передовым частям, что показались на берегу.

Брехт огорчился. Эти несколько ядер вреда не причинили почти никакого, убило одну лошадь и сломало колесо у телеги. Они не войскам причинили вред, они все эти пять или шесть ядер попали точно в самолюбие герцога Бирона. Он такой весь разумный и хитрый классный план придумал, а тут кто-то этот хитрый план предвидел и даже меры принял. И ведь Иван Яковлевич сам, приближаясь к Праге ещё не знал, что этот поход в обход предпримет. Выходит, в польском лагере есть экстрасенс, и он в мозгах у Брехта поковырялся. Другого вывода не напрашивалось. Поляки не могли же...

– Блин! – Брехт сплюнул на дорогу. Конечно могли. Тут четыре моста на карте обозначены. Два каменных и два деревянных. Получается, если магию отбросить, то ляхи сожгли оба деревянных моста, а у каменных сосредоточили солидные силы. Надо отдать должное тогда их командирам или вождям. Сумели за то время, что они от Вильно двигались к Варшаве организоваться и защиту столицы, вполне разумно организовать. Слишком сильно он понадеялся на послезнание. Да в Реальной истории поляки почти без боя сдали Варшаву и отошли на север, но там они уже успели на Сейме все переругаться, а тут, начав войнушку на три месяца раньше, Брехт не дал панам за чубы друг друга оттаскать.

Ничего. Против двенадцати тысяч гвардии они ничего серьёзного противопоставить не могут.

– Ну, вот, господа офицеры, не зря мы плотников и артиллерию тащили за тысячу верст. Эх, размахнись рука, раззудись плечо.

– Повоюем? – Иван Салтыков чуть не вырвал у Брехта подозрную трубу. Разбаловал его.

– Так, слушай мою команду. Густав, готовьте батарею двухпудовых Единорогов. Стрелять гранатами, что в парусину защиты.

– Шрапнелью?

– Ей родимой. Сначала болванками стрельните, и считайте, потом уже вворачивайте взрыватели на полученное время. Ну, да сами с усами. Считайте, что на учении. С двух километров примерно... Пушки нужны целыми. А прислугу нужно выбить всю. Пушкарки штучный товар. Дальше, Александр, Иван, – Брехт повернулся к Багратиону, – начинайте строить выше по течению плоты. Только под прикрытием снайперов.

– И в одну змею сбивать?

– Точно. Всё поехали.

Приём известный, отработанный Красной армией во время Великой Отечественной войны. Сбивается вдоль берега необходимое количество плотов, а потом дальний конец отпускается и течение само разворачивает сбитые плоты поперёк реки. Несколько минут и переправа готова. Проблемой могло стать отсутствие леса у берега или значительная ширина реки. Но тут повезло, лес был. А ширина? Ну, приличная ширина – метров тридцать, может, чуть меньше. Нормальная ширина. Когда отрабатывали на учениях такую переправу, то именно на такие реки и ориентировались. Днепра, где редкая птица долетит до середины, Висла в этом месте была пожиже. Вон, ласточки спокойно над ней в обе стороны порхают.

Пока Иван Яковлевич за птичками наблюдал Густав Бирон уже отцепил двухпудовые огромные Единороги от упряжек и развернул в сторону батареи, что палила с высокого левого берега. Кориолис в этом месте поработал отменно. Левый берег был выше правого на три метра. Стена песчаная. А, так это не ласточки, это стрижи, вон весь обрывистый берег в их норках.

Бабах, та сторона вновь окуталась дымом, на этот раз Иван Яковлевич сосчитал пушки. Шесть, как и положено, выходит, там полковая артиллерия, и полк? Неожиданно много. Ядра попадали в траву на опушке леса, в который русские полки ретировались. Никакого вреда,

кроме морального не нанесли. Брехт представил, как не просто придётся штурмовать тот берег почти по отвесной круче. И целый полк на этом откосе. Потери серьёзные неизбежны.

Бабах. Вот! Это другое дело. Шестифунтовые пушчонки и 245 мм Единороги совсем разные орудия. Выстрел шести двухпудовых Единорогов изрядно оглушил Брехта, находившегося в сорока почти метрах от батареи. Ядра ушли на запад, и Брехт стал считать. Шесть. Шесть примерно секунд.

– Взрыватель на шесть! – сквозь вату в ушах прозвучала команда командира бомбардирской роты и через минуту, когда слух уже почти вернулся в уши Брехта жажнуло снова.

– Триста тридцать три.

Бабах. Ну, хоть в этот раз успел рот открыть. Иван Яковлевич ещё тряс головой, когда над позициями поляков бахнуло ещё раз. А следом опять громынуло, да так, что кепку с Ивана Яковлевича сдуло. А конь от испуга взвился на дыбы и сбросил бы седока, но нога застряла в стремях и в последнюю секунду Брехт ещё и за гриву вороного уцепился руками. Дьявол, хотел броситься прочь, но Брехт уже очухался и смог уздечкой и шпорами справиться с напуганным вороном.

– Ну, тихо, тихо. Война. Стреляют тут. Успокойся. Это у них там неприятности, – Иван Яковлевич прыгнул с жеребца и удерживая его за уздечку, второй рукой поглаживал по морде. – Это братан попал удачно. Видимо, в фургон с порохом. Представляешь, если у нас так громко было, то что там творится. А ведь ещё и летает всякая всячина при этом. А твоим сородичам каково. Тут с километр расстояние, а у них прямо под боком.

Событие третье

*Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода...*

А. Твардовский «Василий Теркин»

Иван Яковлевич белого флага, коим размахивает вышедший на крутой левый берег Вислы, замотанный в окровавленные бинты, польский генерал от кавалерии, не ждал. Впрочем, как и в первом залпе этого золотого выстрела, такого удачного попадания. Что там на пути свинцовых шариков оказалось? Фургон с порохом стоял, телега? Или просто около батареи поляки сгрузили бочонки с порохом в одно место? Их дело, но теперь пороха у ляхов нет, и, скорее всего, артиллерии вообще нет. Ничего после такого взрыва там уцелеть не могло.

Бабах. Не, не так громко. Бах. Опровергая рассуждения Бирона, на том берегу поднялось облачко белое над обрывом, и следом долетел звук выстрела, и одновременно с ним долетело и ядро. Махонькое – сантиметров девять в диаметре. Просто чугунная болванка. Даже не граната. Ядро, шипя, плюхнулось в сырую от росы траву, отскочило от земли и плюхнулось вторично уже у леса, почти достав до расположенной там батареи измайловского полка. Брехт в это время снова залез на Дьявола и отлично эту картину видел. Может, по нему ляхи и целили, так как чёрное шипящее ядрышко остановилось всего в десятке метров от вороного жеребца, который попытался снова взвиться на дыбы. Всем хорош конь, высокий, мощный, двужильный, а вот такой малости, как привычки к грохоту войны в нём нет. Ну, война только началась – привыкнет.

– Густав, ты чего творишь?! – остановил брата Бирон, – Двух пушек хватит, берегите заряды. – Командир Измайловцев покрикивал уже, чтобы батарею зарядили опять. Брехт опоз-

дал, выучка артиллеристов сказалась, и минуты не прошло, а уже все шесть Единорогов заряжены и опять дефицитной шрапнелью. Здесь, в Польше, этот боезапас не восполнить. На коленке шрапнельную гранату не изготовить и у неприятеля не отбить. Сколько с собой привезли, столько и есть. А привезли по десятку гранат на орудие. Два пуда – это и есть два пуда, на телегу при современных клячах и пятнадцати гранат не положишь.

– Так стреляют, – младший Бирон весь в азарте боя, гордый, вон как кепку заломил на затылок. Да и есть чем, так удачно попали. Сейчас ещё залп и там будет филиал Ада, не будет никого живого, а мёртвые на куски разорваны. По людям из этих пушек шрапнелью ещё не стреляли. Стреляли только по манекенам, и один раз Брехт организовал залп по стаду коров, которых должны были забить на приготовление вяленого мяса к этому походу. Ужасное, если что, зрелище.

– Одна пушчонка у панов, пару пушек твоих бы хватило, ну, да чего уж...

Бабах. На том берегу вновь показалось облачко дыма. И опять ядро, чуть не долетев до батареи измайловцев, плюхнулось в траву и поскакало к русским.

– Стреляйте уже.

На этот раз Брехт с Дьявола соскочил и придержал его, и сам рот не забыл открыть. Бабах. Ух, один чёрт громко, вороной чуть с ног не сбил Ивана Яковлевича. Гранаты ушли и через те же шесть секунд сработали над головами панов. Бах. Опять видимо попали в порох, но грохнуло жиденко, последний бочонок, видимо, остался у неприятеля.

Выждали. Всё, больше там стрелять некому. А раненый генерал с белым флагом всё не появляется.

– Ваше Высочество, готовы плоты, – прискакал на точной копии его ворона царевич Багратион.

– И чудненько. Командуй, Александр.

И ничего не чудненько. Сам debil и подчинённые такие же. Нет, переправу наладили нормальную, а вот хотя бы несколько трёхметровых лестницы сбить не догадались. Потому, пришлось георгиевцам, которые пошли на тот берег первыми, забрасывать вдвоём, а то и втроем товарищей на обрыв, при этом песок осыпался, и иногда вся эта гимнастическая конструкция срывалась и кубарем катилась к воде, сметая попавшихся на пути и устраивая кучу малу в холодной весенней водичке. Нда. Конфуз. Ничего. Первая же война у большинства гвардейцев, за битого двух небитых дают. При переправе через следующую реку про лестницы теперь точно вспомнят. Повезло, что на той стороне, как потом выяснилось, никого не было. Если живые ляхи и были, то они умчались по направлению к Варшаве. Дорога вдоль берега была одна и шла она на север к столице Речи Посполитой.

Брехт такой переправой ещё не пользовался. Получалась полная хрень. Переправить двенадцать тысяч всадников на тот берег, если нужно спешиться и вести лошадь упирающуюся под уздцы по пятидесяти, примерно, метровому, качающемуся на воде, мостику просто невозможно. Это неделя понадобится. Так это всадника, а там же не только они. Там сотни телег и огромные полутонные пушки. Их вообще нельзя переправить таким способом. Нужно или под каждую пушку отдельный большой плот городить или мост восстанавливать. С плотами не получится, даже пробовать не стоит. Сырая древесина имеет удельный вес чуть меньше единицы, пусть 0.8. И при двух тоннах нужно такое количество сосен извести, что Польша пустыней станет.

В результате, посмотрев на все эти мучения, лошади одна за другой срывались со скользких брёвен в воду и калечились, и даже топили хозяев, Иван Яковлевич этот мазохизм прекратил.

– Отставить переправу. Разбирайте её к чёртовой матери и ремонтируйте из этого леса мост. Багратион, командуй своим.

Глава 2

Событие четвёртое

Мечты должны быть либо безумными, либо нереальными. Иначе – это просто планы на завтра.

Умный в гору не пойдёт,
Умный гору обойдёт...

Это не пословица, и даже не поговорка. Это строчка из стихотворения Михалкова. Того, что гимн три раза написал. М... И Дядю Стёпу ещё.

К чему это? А к тому, что пока переправлялись на левый берег Вислы, Иван Яковлевич окончательно решил, что штурмовать Варшаву он не будет. Два года день и ночь готовил эти пять полков к войне... И чего в результате?! Такая куча ошибок. Если бы поляки воевали окрысившись, по-настоящему, плохо бы для гвардии кончилось. А если, скажем, не паны бы были против гвардии, а прусская пехота, то умылись бы кровью. Побили бы и пруссаков. Сила соломой ломит. А только кровушкой бы своей умылись обязательно. Нельзя научиться воевать на учениях. Можно хорошо подготовиться, но не научиться. Опыт приходит во время настоящих сражений. Их к счастью, или к сожалению, у русской армии десять лет не было, почти сменилось поколение. А опыт городских боёв, настолько специфическое и сложное умение, что даже начинать страшно. Возможно, Брехт переоценивал панов, те тоже не умели воевать в городе, устраивать засады, заманивать в огневые мешки. Максимум выстроили бы баррикады из брусчатки, снятой с улицы, и мебели, вынесенной из домов, а про снайперов на крышах и не подумали бы. Но, нет. Не полез Иван Яковлевич в город, встал в одноэтажном предместье, и людей полукругом по дворам, прикрывая домиками, распределил. А вперёд короткими перебежками и используя те же дома, как прикрытие, пошли две роты егерей. А прикрывали их пару десятков спешившихся башкир с луками. Перезаряжать штуцер, даже пулей Петерса, не быстро. В это время, если перестрелка начнётся, лучники и должны были егерей прикрывать.

Вернулись егеря через час примерно. И говорят, что нет в городе никого.

– В смысле, никого? – Брехт прислушивался всё это время, но со стороны Праги звуков никаких воинственных не доносилось. Тишина. Волновался, может быть, тишина по той простой причине, что «И тишина, и мёртвые с косами стоят». Побили сводный полк паны?

– Ни солдат, ни жителей, про войска не знаю, а жители явно по домам и подвалам прятались. – Старшим Брехт посылал Ивана Салтыкова, он сейчас и разводил руками. Грязь с физиономии стряхнул и разводит.

– А чего грязные все?

– Там ручей в Вислу впадает. Сточная канава, скорее, так через неё тоже мост сожжён и обрушен. Пришлось скакать там по камням и брёвнам оставшимся, лейтенант Суворин бухнулся в эту грязь и меня окатил всего.

– Пованивает, Ваня, от тебя. О, смотри, слова однокоренные. Ваня и пованивает.

– Чего коренные? Сам ты, Иван Яковлевич, коренной, – обиделся подполковник.

– Ладно. Помойся, бери пару сотен башкир и егерей столько же и дуйте к Праге. Что-то там тихо подозрительно.

Вернулся Салтыков быстро. Рядом с Иваном Салтыковым рысил оставленный старшим у Праги Семён Андреевич Салтыков.

– Ушли ляхи пару часов назад. Я дозоры выслал, город как вымерший, все местные по домам сидят, а войск не видно. Так не просто ушли, а сбежали, даже батарею шестифунтовых пушек бросили с запасом ядер. – Салтыков старенький уже, но храбрится, грудь колесом выпячивает.

– Куда ушли известно? – Ну, в Реальной истории потянулись к Гданьску или Данцигу, по идее, и сейчас туда двинут.

– Дозоры доложили, что утоптана дорога на юго-запад. – Опроверг его ожидание подполковник преображенцев.

– Ни хрена себе?! – Брехт репу почесал, сняв кепку. Что там на юго-западе? Ха! Дак там Краков! И туда на полной скорости идёт Карл Бирон и четырьмя полками и артиллерией.

Запуталось всё. А ему теперь куда идти? Как в сказке про камень. На Краков пойдёшь, а справится ли Ласси с французами и гарнизоном Данцига, да ещё из окрестностей шляхта набежит. В Реале не справился – артиллерии крупнокалиберной не было, нечем город обстреливать. Сейчас есть пушки и флот. Ну, будем считать, что должен справиться. А Краков? Его кажется брали саксонцы в той истории? Или не смогли взять? Как теперь проверишь? Придётся идти на Краков. А там Львов ещё с униатами. Вот кого можно от души пощипать.

Но сначала Варшава.

– Командирам полков, входим в город. Как учил, на крыши и окна в многоэтажных домах поглядывайте. Перед перекрёстками высылайте вперёд разведку. Местных пока не трогать. Нужно разобраться, кто тут за большевиков, а кто за коммунистов.

В Речи Посполитой исполнительная власть перешла в руки примаса, архиепископа Гнезненского графа Фёдора Потоцкого. Он тут же созвал конвокационный сейм, который открылся 27 апреля 1733 года. А на этом сейме было решено избирательный сейм провести через четыре месяца – 25 августа. Сейчас только 25 мая. Лещинский уже выдвинулся под видом торговца в Варшаву из Парижа, но вот доехал ли. Это и предстоит узнать. А если доехал, то куда двинулся сейчас, когда паны столицу бросили? Как в прошлый раз в Данциг? Но войска польские ушли к Кракову. И это очень странно, если со слов региментаря литовского князя Михаила Вишневецкого краковский воевода князь Любомирский в прорусской партии. Стоп.

Брехт прямо посреди небольшой площади перед каким-то очередным костёлом остановил Дьявола. Мысль скакнула. От Варшавы и прямо к Кракову. А что бы сделал он на месте Потоцкого? А ушёл бы в Краков. Это неофициально – столица Варшава, а коронация проводится в Кракове – официальной столице Речи Посполитой. Это как в России. Коронация в Москве, не в Петербурге. Сам Иван Яковлевич бы поспешил в Краков вместе с Лещинским, чтобы быстрее его там короновать. Раз уж война с Россией неизбежна и даже уже началась, то нужно иметь в рукаве козырь в виде короля своего, и за которого вступится Франция. Да, в Реале эта помощь пшиком оказалась, но здесь славяне. Они мыслят по-другому. Здесь за своего горой. Так и воспитанный в Кремле Фёдор Потоцкий думает. Французы, по его мнению, обязательно вступятся за своего кандидата и тестя Людовика.

А и ладно. Паны не знают, что к Кракову идёт Карл Бирон. Пусть всей силой туда ломанутся. А он тут почудит в Варшаве пару дней и двинется следом. Перекроет ляхам дорогу на северо-восток. И окажутся они между молотом и наковальней. А Лещинский? Хорошо бы в плен взять. Какой замечательный козырь при торговле с Францией. Это не кто-то там, а тесть. Прямо представил себе Иван Яковлевич, как Людовик пятнадцатый этого имени провожает Лещинского в Варшаву и прильнув к груди, сквозь слёзы, говорит: «Береги себя, папа».

Королевский замок в столице Речи Посполитой расположен на Замковой площади, у входа в Старый город Варшавы. На дворец это сооружение похоже, как слон на балерину. Это трёхэтажка хрущевская, в центр которой воткнули колокольню от православной церкви, с узнаваемой луковицей. Ни тебе колонн, ни портиков, ни парадных лестниц с балюстрадами, да даже узорчатых окон нет. Как и балконов. Краснокирпичная трёхэтажная коробка и при

этом первый этаж – это сплошные кухни, псарни, переходы, кладовки. Ясно почему короли польские коронуются в Кракове. Позорище в таком дворце короноваться.

Иван Яковлевич остановился на площади перед хрущёвским дворцом, мощёной неровным камнем, и с жеребца прыгнул.

– Семён Андреевич, как думаешь, нас тут накормят?

Событие пятое

Столько планов было полчаса назад, но потом я поел и прилёг.

Нет. Ужина никто не приготовил. После бессонной ночи с марш-броском Брехт дожидаться антрекотов не стал, перекусил сухарями с сухофруктами и спать завалился. Система, как в песне поётся в замке или дворце коридорная, про уборную вообще неизвестно, есть ли она. Нашли ему ординарцы комнату с кроватью под мощными парчовыми балдахинами, наверное, королевское ложе. В одежде Иван Яковлевич в неё и плюхнулся. Проснулся среди ночи. Нет, не клопы и блохи разбудили. От их укусов не проснёшься. Разбудили комары. Сам вечером открыл створку окна. Душно было в комнате, чем-то прелым ещё воняло. Так пахнет в комнатах, где старики недвижимые умирают.

Запах не ушёл, а комары пришли и богато пришло их. Прямо рой над глупой головой. Иван Яковлевич попытался накрыться с головой, но парчовые одеяла не пропускали воздух, а хоть нос высунешь из-под него и на него сразу в атаку десятков пищавших от радости комариков бросаются.

Повертевшись с боку на бок, Брехт плюнул и решил просыпаться, благо на востоке небо уже светлеть начало. Пошёл на первый этаж нашёл там кухню, в которой даже печи уже начали топить. Каптенармусы побеспокоились и для командиров полков, которых Иван Яковлевич пригласил на завтрак и совет, как петухи заголосят, готовили завтрак, пахло жареным мясом и чем-то сладковатым. Бирон принялся, о чаёк травяной с мёдом варят солдатики.

Угостили.

– Иван-чай? – Брехт присел на скамью у стены кухни и с удовольствием прихлёбывал ароматный напиток.

– Так точно, Ваше Высокопревосходительство! – гаркнул измайловец, что был старший у поваров. Сейчас все в одной одежде грязно-серо-зелёной, и чтобы полки отличать Брехт им буковки на погоны придумал. Имели такие буквы только гвардейские полки, остальные не заслужили ещё. Это как на погонах курсантов в будущем будет буква «К». «И» у измайловцев, «П» у преображенцев, «С» у семёновцев, «Г» носили гордо на погонах Георгиевцы и «К» кавалергарды.

– Не кричи так, народ разбудишь.

– Так точно, Ваше Высокопревосходительство!

– Всё. – Испортил, блин, настроение опять, аж в ушах от крика звенит.

– Иван Яковлевич! – кто-то тряс Брехта за плечо. И не заметил, как уснул, привалившись к стене. Там видимо какой воздухопровод имелся и теплом этим сморило. Перед ним был Иван Салтыков. – Все собрались уже в зале, только вас ждём.

После завтрака и обсуждения вопроса, каким путём Россия пойдёт дальше, Брехт решил наведаться в один из костёлов. Хотелось найти тут главного католика, чтобы...

Ну, да по порядку.

Архиепископ Гнезно-Познанский Кшиштоф Антони Шембек запершись в Костёле Святого Иоанна Крестителя на вежливый стук младшего Салтыкова не открыл двери дубовые. Дверь, полукруглая сверху, была высотой метров пять и судя по огромным кованым петлям толщиной с десяток сантиметров. Плечом такую не высадишь. Костёл выглядел необычно,

даже описать сложно. Ничего похожего до этого Брехту видеть не доводилось, когда в будущем был на экскурсии в Варшаве, то русских туда не водили, костёл действующий и схизматикам и прочим ортодоксам там делать нечего. А сейчас на узкой площади перед храмом так и хотелось присвистнуть. Такое фантастическое – неземное здание. Располагалось оно недалеко от того моста каменного, по которому можно попасть в Прагу.

Подъехали к нему дружной компанией, а хозяева затворились и ни звука с той стороны, как экскурсанты не кричали. Окна расположены в бойницах как бы, и они матово-непрозрачные, наблюдали за ними проклятые паписты или нет, не понятно. Не видно ничего сквозь такое стекло.

– А давай-ка, Ваня пушку подкатим к дверям. Ляхи же, Семён Андреевич говорил, в Праге бросили пушки. Прикатите одну и зарядите. Посмотрим, поможет ли Колът в переговорах.

Ждать пришлось долго. Больше часа. Иван Яковлевич успел несколько кругов, всё расширяя их, сделать вокруг костёла Святого Иоанна Крестителя. А когда привезли пушку, то с сомнением её несколько раз обошёл. Когда в Реальной истории в русских войсках появятся шуваловские единороги через десяток лет и когда он полностью вытеснит все остальные почти пушки, то русская артиллерия даже при Наполеоне будет превосходить всю мировую. А сейчас, за сто лет почти до этого, Единороги, на больших колёсах с металлическим лафетом и правильной формой внутреннего отверстия, так далеко ушли от современных пушек, что при виде этих каракатиц чувствуешь себя посетителем музея. Привезённая Иваном Салтыковым пушечка была на деревянном лафете наподобие корабельных с маленькими деревянными колёсиками, оббитыми по ободу железной полосой, и с малюсенькой в пять калибров, ну, даже в шесть пукалкой. Калибр-то девяносто, примерно, миллиметров и длина ствола получается в полметра. И этим ляхи хотели защищать Прагу, когда против них двухпудовые Единороги выкатили. А это, если что, 245 мм калибр и семь этих калибром длинна ствола, то есть чуть не два метра.

– Заряжай. Ядром. – Брехт заранее отвёл Дьявола подальше. Хватит психику животного травмировать.

Стрелять не пришлось. Священник в красном одеянии показался в отворившейся с противным скрипом двери. Жмоты, капнули бы на петли немного масла. Тоннами небось жгут, а тут пару капель пожалели.

– Разве можно стрелять по храму божьему? – на немецком возопил полный мужик ростом с Брехта и в плечах даже ширше. Именно про подобных боровов и придумали поговорку, что на таких пахать можно. Точно плуг потянет.

– Да, никто и не собирался, – Иван Яковлевич передал уздечку ординарцу и зашагал мимо пушки к красному, – Я торговать собирался.

Событие шестое

Это у клинических идиотов два союзника – армия и флот, а у умного политика союзники все. Он со всеми торгует и всюду получает свою выгоду.

В храм так и не пустили. Можно было дать солдатам команду борова повязать и вломиться туда, скамейки переворачивая и монахинь за задницы щипая, или монахов. Так, для остротки. Но не стал. Архиепископ Кшиштоф Антони Шембек вышел и даже осенил Бирона огромным золотым крестом. Пару кило точно весит.

– Почто...

Брехт руку поднял. Чего из пустого в порожнее переливать. Этот товарищ будет его карами небесными пугать, а ещё Папой Римский, а Иван Яковлевич карами земными в виде дыбы и Сибири. Прелюдия. Никому не нужна. Потому сразу без неё Бирон переговоры и начал.

– Мне архангел Иегудиил говорил, что бог отворачивается от католиков из-за того, что в их храмах слишком много золота, не ему они служат, а золоту и Мамоне. И велел он мне довести его слова до ушей всех католиков, – почти правда. В первой беседе, Брехт Иегудиила про золото спросил, а тот ему сказал, что важен порыв, а не золото.

– Не святотатствуй, воин...

– И не буду. Я как раз с вами торговать намерен.

– Что?

– Хочу вам очень ценный товар предложить за золото и серебро.

– Реликвии...

– Не, не реликвии – жизни.

– Не понимаю тебя, воин.

– Я не воин. Я – герцог Иван Яковлевич Бирон.

– Вот как? Так чем ты собираешься торговать, герцог? – Кшиштоф презрительно сморщился, словно ему пришлось слизняка с яблока смахивать.

– Душами. Сказал же. Вашими. Вы отдаёте мне всё золото и серебро, что есть во всех храмах Варшавы, а я не убиваю священников католических. По-моему, прекрасная сделка. Ты, Ваше Высокопреосвященство, необдуманных слов не говори. Армия сбегала. Защищать вас некому. Народ поднимется? Католики во всей Варшаве восстанут и с вилами на ружья и пушки бросятся. Именно этого я и хочу. Хочу вырезать половину Варшавы и всех католических священников в ней, а потом отдать город на три дня на разграбление. Вы будете мертвы и десяток тысяч убитых и ограбленных будут на твоей совести. А золото и серебро всё одно окажется у нас. Уверяю тебя в аду не нужно золото, его туда с собой не заберёшь, как и в рай. Так что подумайте Ваше Высокопреосвященство. Взвесьте. Уничтоженные полностью храмы и убитые ксендзы и прочие святые отцы и разграбленный город или презренный металл, который отворачивает господя от вас. Время на раздумье у тебя час, я тут постою, или поблизости буду. Ах, да Папа ещё? А классно будет. В немецких землях протестанты, в Англии тоже, в России православные. Уничтожим полностью всех католических священников в мире, а во дворце святого Петра будут протестанты немецкие мессы проводить. Только такого не будет. У Пап своих проблем полно, за вашу жалкую провинцию, куда даже кардинала не всегда назначают, там никто не вступится. Да, и далеко они. А я – вот он. Час у тебя, Кшиштоф. Время пошло.

Не так гладко, как хотелось, и не так быстро. А ещё не в полном объёме. Откупились. Не отдали золотые кресты и серебряные купели, не отдали картин итальянских мастеров. Отдали деньги. Торговался архиепископ Кшиштоф Антони Шембек, как настоящий еврей на базаре в Одессе. Пугал Геенной Огненной. Это такая помойка в Иерусалиме, где постоянно сжигали мусор и смрад от которой отравлял весь город. Всё на Иерусалимской жаре отлично гниёт. Папой тоже пугал и братом старшим, читать Людовиком. А Бирон его пушками и башкирами. Сошлись на полутора миллионах рублей золотыми и серебряными монетами по весу.

Понятно, что полное разграбление всех костёлов, соборов и прочих монастырей Варшавы и окрестностей дало бы раза в три больше, но папа и на самом деле не простит, и Людовик, да и восстание в городе подавлять не сильно хотелось. А так, получили без боёв и тяжёлых последствий три десятка возов золотых и серебряных монет, в том числе довольно много испанских. Тех самых пиастров.

О. Тут целая история.

Глава 3

Событие седьмое

Если каждый месяц откладывать понемногу, то уже через год вы будете удивлены, как мало у вас набралось.

Эрнест Хаскинс

С этой проблемой Иван Яковлевич столкнулся почти случайно. Готовили экипажи на те два корабля, что первыми отправлялись в Охотск, параллельно с сухопутной экспедицией Беринга, и Брехт встречался с несколькими иностранными моряками, коих удалось уговорить на это долгое и опасное путешествие. Один из них, когда дошёл разговор до закупок продовольствия в Китае спросил, а восьмерики приготовили.

– Восьмерики? – Бирон, радостно рассказывающий про рис и плов, запнулся.

– Вы, господин герцог влезли не в своё дело, – сплюнул на наборный паркет голландский моряк.

– Я быстро учусь. Слушаю тебя, Филип. – Звали капитана Филип ван Альмонд. И он был внуком, вроде как известного в Нидерландах адмирала.

Капитан, опять сплюнул на пол красивый, Брехт на последних морально волевых удержался, чтобы по губам голландца не шлёпнуть.

– Китайцы не торгуют ни с кем...

– В смысле? – Брехт точно знал про Кантон, Кяхту, Макао.

– Они продают свою продукцию нам. И продают только за золото и серебро. При этом серебро предпочтительней. А из серебра берут, хорошо, стараются брать, только восьмерики. Это Real de a Ocho – более известные, как восьмерики.

– Восьмерики? – Брехт зажмурился, что-то где-то читал или слышал. В какой-то из жизней.

– Может, слышали название «пиастры». Большая монета в восемь реалов. Песо, ещё называют. – Голландец вытащил табакерку и трубку.

– Капитан... Я... Я не курю и дыма не выношу. Поговорим, пойдёте на улицу и курите на здоровье.

– Русские! – Презрения-то сколько. Конечно, курение признак цивилизации. А то, что у дикарей переняли, забыли уже.

Бирон уговорил Синод объявить курильщиков приспешниками Сатаны, а Анна Иоанновна запретила ввоз табака под страхом конфискации имущества и высылки в Сибирь всей семьи. Появились, конечно, контрабандисты, но закон сработал. Десятки высленных провозили по родным городам и Москве, как боярыню Морозову, и желающих осваивать бесконечные просторы поубавилось. Потом Анна отлучила от двора всех курильщиков и пообещала тоже выслать. Брехт ввёл в армии порку офицеров и солдат за курение. За два года практически побороли. Курильщики ушли в подполье. Их и было-то от силы десятков тысяч на всю страну, а скорее всего и того меньше, не успела зараза, привнесённая Петром, широко распространиться. Теперь уже Анна Иоанновна подписала Указ о высылку в Сибирь всех пойманных за курением. Ещё пару лет и в России этой дурной привычки не останется.

Филип засунул всё это назад в кисет... мешочек такой и сунул в карман кафтана.

– Китайцы не торгуют? А Кантон, Макао? – Брехт не понимал. Может плохой немецкий ван Альмонда? Понял неправильно.

– Сказал же. Они ничего у нас не покупают. Только продают свои товары за серебро. При этом серебро ценится гораздо дороже, чем в Европе. Не так. У нас соотношение золота к серебру по весу приблизительно один к одиннадцати или двенадцати. А у них один к трём. Пытались даже, слышал я, капитаны покупать у них золото за серебро. Но и золота у них не много. И дорога в оба конца. Нет, это не выгодно. Гораздо выгоднее возить чай, шёлк, фарфор, даже тонкую бумажную ткань и тонкую белую бумагу тоже. А покупка, господин герцог, это не торговля. Это – покупка.

– То есть, вообще нет товаров, которые они покупают у европейцев? – Всё это не укладывалось пока в разработанную Иваном Яковлевичем стратегию. Если нельзя продавать товары в Китай и можно только покупать там предметы роскоши за серебро, то на хрен тот Китай вообще нужен.

– Берут немного драгоценности, так их выгоднее продавать дома. Цена не сильно выше, и никуда везти не надо. Знаете, герцог как торговля происходит. Даже на серебро, там церемония целая. Тем европейским купцам, которые прибыли в Китай, не разрешается въезжать в саму страну, всё ограничивается портом Кантон. Здесь товары выгружаются на склады, известные как Тринадцать фабрик, а затем передаются китайским посредникам.

– Товары?

– Слитки серебра, сундуки с монетами, мешочки с драгоценными камнями. Да, немного берут очень качественную шерстяную ткань. Иногда специи, но не все.

– Понял. И дальше?

– Дальше посредники передают это чиновникам. Те оценивают и одаривают купцов в ответ товарами по списку. Там хитрая азиатская история. Мы вроде как приносим дань их императору серебром, а он в ответ одаривает нас. Вообще, европейцев в Китае не любят. Даже ненавидят почти. Мне один иезуит такую историю рассказал. Европейцев часто называют «океанскими дьяволами», особенно это прозвище было в ходу в прошлом столетии, когда торговля только начиналась, но сохранялось за нами до самого последнего времени. Иезуит сказал, что в буддийской религии демоны ада изображаются с рыжими волосами и зелеными глазами. Неудивительно, что к европейцам относились сперва, как к представителям сатаны, ведь многие из них были блондинами со светлыми глазами или ещё хуже – рыжие.

– А меха? – Брехт не хотел этого вопроса задавать, уже понимая ответ, но ситуация с Кяхтой вообще не вписывалась в то, что рассказал голландец. Строго все поперёк. Никто с русских серебро не требовал. Просили именно меха, шерстяную ткань, а теперь ещё и лакрицу.

– Меха? Я слышал. Знаете, что я думаю? Мех – это просто те же деньги. Они, эти косоглазые варвары, считают мех деньгами. Как африканцы бусы тоже считают деньгами.

А ведь похоже. Сейчас идёт, так называемый, Малый Ледниковый Период. В Москве погода, как на Урале в будущем. Кроме ржи толком и не растёт ничего, пшеница часто попадает под возвратные заморозки в начале лета. Озимая рожь их переносит, а яровая пшеница нет. Потому и в Европе, и в Китае в цене меха. Греются. Модно. Раз носит император в Китае или курфюрст в Европе, то и окружению нужно. Купцы, вернувшиеся из Китая из столицы, рассказывали Бирону, что там зимой снег и пронизывающие ветра. Страшно зябко, как они выразились. Именно поэтому меха и шерстяная ткань.

Мех – просто валюта. Ничего нового. В России и сейчас ещё кое-где про сорок сороков куниц или соболей слышно. И у нас не так давно были шкурки валютой. Брехт капитана отпустил и задумался. Как это новое знание можно использовать для организации экспедиции этой и, главное, следующей, гораздо большей по размеру.

Серебро? Да у самих нет. Всё ещё приходится покупать у европейцев талеры и переплавлять. Демидовы ещё не нашли. Да и найдут – панацеей не станет. Нужно много. И вывозить его за рубеж в уплату за предметы роскоши для знати – дурость. Меха? Меха и так идут через Кяхту. Да и в Европе не сильно дешевле. Нет, везти их на кораблях нельзя, тем более, чёрт его

знает, как они полтора года в море в сыром трюме переживут. И моль, и черви, и сырость с сопутствующей плесенью, а главное – крысы, эти безбилетные пассажиры любого корабля всё по дороге понадкусывают. Не вариант меха. Тоже самое и шерстяная ткань, если моль, то она и шерсть съест, а если плесень, то чем шерсть от меха отличается. И шерстяная ткань сгниёт. Лакрица? В герметических бочках. Пропаренных в бане перед запечатыванием. Без пара. Просто нужна температура градусов в семьдесят, при которой все насекомые и основная масса бактерий вымрет. Ставим галочку. Только нужно подумать про крыс. Ловушки? Мышеловки? Ещё одну галочку. И всё же, чем расплачиваться за продукты по дороге в Охотск?

Дальше лакрицы не пошло. Ничего не придумывалось. Бирон тогда кинул клич, чтобы ему нашли знатока Китая среди русских. И ведь нашли монаха одного. Точнее – епископа. Он недавно вернулся из Китая. Рассказал его Преосвященство или владыко Епифаний следующее. Одним из положений Нерчинского договора, заключенного в 1689 году между Россией и Китаем, был пункт о том, что русским торговым караванам численностью не более двух сотен человек разрешалось раз в три года пересекать территорию Китая и заходить в Пекин. Другие европейские страны такой привилегии не получили.

Ещё одним из пунктов Нерчинского соглашения было то, что России было позволено основать в Пекине православную миссию, которая должна была удовлетворению духовные потребности казаков, попавших в плен во время приграничной войны. Эти люди и их слуги были привезены в Пекин, и им не было разрешено вернуться на родину после подписания мирного договора. Эта община сохранилась до сего времени, но сейчас в ней преобладают уже метисы от браков казаков с китайками и просто этнические китайцы, решившие стать христианами. Православная миссия в Пекине построила там храм небольшой и несколько домиков, а сейчас и вообще довольно сильно разрослась, не русский квартал в Пекине, но анклав в несколько сотен человек, среди которых есть и несколько ещё живых казаков. И там полно людей, владеющих не двумя даже, а тремя языками: русским, китайским и маньчжурским. Миссия – как бы полуофициальный орган, представляющий российские власти при императорском дворе. Церковью в России руководит Синод, так что можно смело назвать, что церковь – часть государственной машины управления и подавления. Священники, посланные в Пекин, могут устанавливать контакты с высшими китайскими чиновниками. Они фактически стали неофициальными представителями российских властей за десятки лет до того, как европейцы только попытались основать там свои постоянные представительства. И то иезуиты, как всегда, перегнули палку, решили манипулировать императором Китая. Он им зубы тут же вырвал. И миссии закрыл. Впрочем, англичане обделались не менее знатно. Филип во время беседы поучительную историю про англичан рассказал. Каким-то способом, подкупили должно быть какого мандарина, но англичане узнали, что у китайцев есть полу волшебное средство, которое улучшает пищеварение и оздоравливает организм. Называется панацейная гигантская трава – ревень.

– Вона чё?! – Брехт привыкший, что этот ревень растёт во всех садах и огородах брови вскинул. Китай, выходит?! А ведь нужно добыть семена.

– Сначала китайцы охотно продавали англичанам ревень, но потом какой-то их чиновник, получивший слишком маленькую взятку или захотевший слишком большую, окрысился на британцев и запретил вывозить ревень из Китая. – голландец, в очередной раз, на этот раз презрительно, сквозь зубы, сплюнул на паркет итальянский. Брехт зажмурился и досчитал до десяти. Зубы ван Альмонду можно выбить, а кто корабли вокруг Африки поведёт. Пусть живёт.

У владыки тоже много интересного после узнал Иван Яковлевич.

– Семена ревеня, можно провести в караване?

– Чего везти, привёз я, в Новодевичий монастырь отдал сёстрам... годов пять назад.

– Гут! А размер нашей миссии в Китае каков?

– Десять человек.

– Ого! И сейчас десять с вашим отъездом.

– Конечно. На замену прибыли...

– Стоять... – Чуть «бояться» не сказал по привычке Иван Яковлевич, – А что со знанием языка?

– Когда я был три года назад, то шестеро-то из десятка сносно говорили, а понимать, так, все понимали.

– И вы?

– И я.

– Владыко. Мы сейчас в Кяхте строим церковь и монастырь. Давайте я выйду на Синод и порекомендую им, как это у вас называется епископство там создать сибирское и вас туда главным отправить. Крестите бурят с тунгусами, школы для их и русских детей открывайте и главное, откроете в Кяхте школу для купцов, ну, проводников, по изучению китайского и маньчжурского языка. Сами торговлишку с китайцами налаживайте. Я вам с собой корней солодки дам несколько телег и Марены Красильной, крокусов. Разводите и торгуйте. Купцам всем наказ дам заботиться о процветании монастыря и церквей.

– Согласен я, – не задумываясь даже ответил владыко Епифаний, – привык я к тем местам. Суетно в Москве. Только поясни Иван Яковлевич, митрополия или епархия будет?

Блин?! Ну, немцу простительно. Бусурманин же не сильно грамотный в этом вопросе.

– А как лучше?

– Митрополия на весь тот край и отдельно епархия китайская, кяхтинская и забайкальская. – Брехт разницу понял. Сейчас, когда нет патриарха, митрополит высший чин в православии, а епархией управляет епископ, ниже чин. Епифаний, как и все люди, не чужд такому пороку как гордыня. Да, пожалуйста.

– Я сегодня же свяжусь с Синодом и предложу вашу кандидатуру владыко на новую забайкальскую митрополию с центром в Кяхте

– Новые земли – новые люди, в тех землях много людей захотят увидеть свет истинной веры. – Епископ поднялся повернулся в красный угол и троекратно перекрестился. Потом и Брехта поднявшегося перекрестил. Перстня и уж тем более руки священнику Иван Яковлевич целовать не стал. Не то воспитание. Ещё куда ни шло дивчуле ручку надушенную, а тут лапища волосатая. Бр-р.

На прощание Брехт задал вопрос ещё один. Никак не мог понять, почему к русским и голландцам или англичанам разное отношение.

– А мы для них другие, не свои, но и не европейские дьяволы. У нас некоторые обычаи совпадают. В Китае не принято сходу начинать торговлю или о чём-то договариваться. Этому должен предшествовать как бы обряд некий – установления отношений. И в этом обычаи наши и китайцев совпадали. Сначала – совместная трапеза и обмен подарками, знакомство по порядку с членами семьи. Или с купцами. А уж, когда подарки будут унесены и оценены по достоинству, а совместная трапеза окончена и все отдохнули – тогда можно перейти к делу. А жадные и глупые англичане или с нижних земель торговцы не понимают такой бесполезной траты времени. А с совместной трапезой совсем плохо. Много блюд там не приемлет европейский купец. Про кузнечиков жаренных или червей слышал? Про гадов варёных? Вот и подумай Иван Яковлевич, как хозяин будет относиться к тебе, если ты его угощениями побрезговал. А это дорогие кушанья были. От сердца предложены. А ты наплевал им в тарелки на угощения, да на пол ещё. Китайцы очень чистоплотные люди. Как и мусульмане. И очень чувствительны к запаху от человека. Они и по пять раз в день моются. Ну, а про вонь от европейцев сам слышал. Словом – они варвары, а мы почти свои.

В результате в шесть фрегатов ушедших со второй морской экспедицией нагрузили бочки с лакрицей и Мареной красильной – это для торговли, точнее для закупок продовольствия. А ещё, тоже в бочках, на корали доставили мешочки с сушёным шиповником и смородиной.

При этом команда обязана была съедать по горсточке шиповника и смородины каждый день. Цингу никто не отменял.

Не все ещё последствия. Герцог Бирон посетил на следующий день после разговора с епископом Новодевичий монастырь. Рассусоливать не стал. Вечно занят, нет времени на душе-спасительные беседы. Тем более в то время ещё в православие не перешёл. Даже на Евдокию Лопухину взглянуть не захотел и на школу девочек кружевниц основанную шесть лет назад Петром. Сунул настоятельнице сто рублей золотом в небольшом кисете и попросил:

– Покажите ревень. Лопухи такие из Китая.

– Я знаю, что такое ревень, – ответила бабка невысокого роста с посохом как у волшебников из фильмов.

И показала. Был сентябрь и от ревеня остались, осыпавшиеся с бодыльев, семена и жёлтые лежащие на земле листья. Грядка не сказать, чтобы в запустении была, но и ухоженной не назовёшь, трава плохо выполота и рядом на самом деле рос лопух со своими шишечками колючими. Всего на грядке росло три куста.

– Семена собрать немедленно и мне передадите, пока я у вас чай пью.

Чай был – копорский. Или кипрейный. И потягивая ароматный напиток, Иван Яковлевич задумался, слышал, что через десяток лет, ну, не точно, экспорт этого чая в Англию достигнет приличных размеров. И практически вытеснит в Англии настоящий чай. Кончится плохо. Наглы организуют торговую войну. Всей истории Брехт не помнил, но всплыл в памяти кусочек показавшийся тогда забавным. Англичане объявят, что для перетиранья иван-чая русские используют белую глину – очень вредную для здоровья. Этот скандал в газетах проплатит чайная компания, продававшая индийский чай в Англии. И подействует. Люди поверят, закупки чая упадут, а чайная компания избавится от сильного конкурента – русского чая.

– Технологией поделитесь? – сравнивая вкус этого напитка с тем, что сейчас везли из Китая и практически не находя отличий, спросил Иван Яковлевич. Точнее, отличия были. Наш был лучше, чёрного чая нет, а зелёный жасминовый чай – самый дорогой из Поднебесной имел менее насыщенный цветочный аромат. Да, скорее всего в этом не было кофеина. Только про это сейчас знать никто не знает, сейчас оценивают просто вкус.

– Технология? Логос – учить? – О, матушка латынь знает.

– Как делают копорский чай? Весь процесс?

– Ах это? – Настоятельница... Блин она же назвалась, не запомнил, о другом думал. Вот в том домике жила царевна Софья не так давно и перед её окнами повесили кучу стрельцов. – Сестра Марфа принеси листья сушёные.

Возраст не определить, круглое лицо, лучики морщинок у глаз, всё же старушка. Марфа эта принесла почти чёрные, тёмно-коричневые сухие листья в мешочке шёлковом. Не дешёвая упаковка.

– Сначала листья обрывают и высушивают. Опосля их складывают в кадку для ошпаривания кипятком, после чего перекладывали в корыто для перетиранья. Получившееся сырьё выкладывают на противень и отправляют в печь. Высушенные листки снова разминают...

– Русскую печь?

– Как русскую? Знамо в русскую... А! Нет, Ваше Высочество, не в голландку. В обычную печь, после того как прогорит, там и томятся листочки.

– А перетираете с глиной?

– С глиной? Зачем? Сестры руками перетирают.

– Понятно.

В это время принесли семена ревеня в миске, с комочками земли и прочим мусором. Охренели в корень. А, ну сам сказал, чтобы срочно. Пластинки были жёлтые и явно часть сгнила уже. Брехт не знал, нуждаются ли они в стратификации, о чём и спросил настоятельницу.

– Стратификация семян нужна? Блин блинский, садить нужно осенью или весной?

– Не ведомо мне...

– Понятно. Так. Это приказ. Если нужно Синод письменное указание вам выдаст. В следующем году все семена ревеня собрать. Вам выделяют земли несколько гек... десятин. Посадите. Сейчас вам часть оставляю, посадите. Если взойдут весной, мне скажите. Там и решим, весной их сажать или осенью. Будете выращивать ревень на продажу за границу. Прибыль от продажи пополам. Действовать будете совместно с Министерством торговли.

– А...

– Стоп, а вы его зачем выращиваете?

– Черешки вкусные.

– Мать вашу, Родину нашу! Нужны корни. Не вершки, а корешки! Из них лекарство делают, – Брехт задумался, а как продают сейчас, просто кореньями или в порошок растирают, из разговора с владыкою Епифанием, он только понял, что в ревени корни ценятся, как слабительное. Аристократы на Западе загнивающим принимают, обожравшись мяса. Помогать им нужно. – Не ограничено количество корней, все, что вырастите продадим. Мне тут сказали, что пуд кореньев стоит сто рублей примерно. Да, по Иван-чаю... – Брехт потер переносицу, а чего, пусть будет в руках церкви, они умеют хранить секреты и ручонки у них когтистые – выгоды не упустят, – после сбора листьев отправляете людей на сбор кореньев, сушите и перетираете в муку. С добавкою пшеничной муки выпекаете хлеб и продаёте на торгу. Дорого продаёте. Назовите «сдоба монастырская». Я осенью следующей наведаюсь, узнаю, как дела идут.

О сухарях из хлеба, сделанного с добавлением муки из корней кипрея, Брехт слышал от Матрёны. Они не покрывались плесенью. Если это на самом деле так, то лучшего продукта для моряков просто не придумать. Да и военным в походах не помешают. Жаль сейчас уже поздно, придётся целый год ждать.

В тот же день, раз уж в Москве оказался, Брехт и в новый банк заехал с Третьяковым встретиться. Не по банку, по ревению информация была нужна. Услышанное удивило. И вызвало кучу вопросов к Остерману. Успел же навредить стране пока Бирона не было при Анне Иоанновне. Всего-то полтора месяца хозяйничал, а вреда на десяток лет. К нему в Кремль Иван Яковлевич и ломанулся.

– Я же как лучше хотел, торговлю оживить. – Стал прикидываться опять хворым Андрей Иванович, хватаясь за грудь.

– Андрей Иванович, я тебя предупреждал, снова начнёшь симулировать болезнь какую, и я велю тебя в Сибири от неё вылечить. Всю историю торговли ревнем рассказывай.

– Год не знаю, но очень давно, когда только на Престол сел...

– Ну!

– Нет, не помню, читал Указ. Дам команду найти. Государь Алексей Михайлович запретил частным лицам торговать корнями ревеня под страхом смертной казни.

– И тебе царёв Указ не указ? Да, не дёргайся, дальше давай.

– При Петре I ревень тако же был в ведомстве приказа...

– Прибыль была?

– Документы таможен...

– Андрей Иванович!

– Ревень входил в число главных экспортных товаров России.

– И?!

– Радея о благе Государства, так как прибыль всё время падала, я подготовил Указ, позволявший свободную торговлю этим корнем.

– От имени Анны Иоанновны подготовь другой Указ, который вновь вводит смертную казнь за торговлю ревнем.

Глава 4

Событие восьмое

Первым стреляет тот, кто стреляет первым, остальное придумывается в оправдание, если застрелили не того или не тех.

Анатолий Алексеевич Азольский

От Варшавы до Кракова не так и далеко. Брехт наметил первой целью город Радом. Когда на экскурсии был в будущем именно в этом городке делал автобус остановку, сводили народ в какой-то местных храм или музей небольшой, сейчас и не вспомнить, а вот рассказ гида о том, что город успел побывать в составе четырёх стран запомнился. До революции был в составе Российской империи, потом Польше отошёл, а до того успел побыть в составе Австрии и Герцогства Варшавского при Наполеоне. До этого Радома сто километров, примерно, и Иван Яковлевич надеялся преодолеть это расстояние за два дня. Нужно было догонять ушедшее к Кракову польское войско. А то вдруг Карл Бирон со свои корпусом, где застрянет, и потом придётся панов выбивать из прорусски сейчас настроенного Кракова и разносить там всё артиллерией в пух и прах. Артиллерией друзей заводить сложно. Что это за друзья такие, которые твой город разрушили, а возникшие пожары оставили жителей без крова и продовольствия? Нужно догнать ляхов до Кракова. А потому нужно двигаться на максимальной скорости. И без того в Варшаве два дня потеряли, пока архиепископ собирал дань... А нет. Эта сделка была названа Бироном: «сбором средств на избрание на Сейме королём Августа третьего». Не лишку? Ну, никто строгой отчётности не требовал, да и не собирался предоставлять.

Двигались, опять распустив во все стороны дозоры. Но встреченные крестьяне и прочие калики перехожие уверенно отвечали, что паны прошли на юг вчера. Или надысь. А перед самым Радомом корпус встал. Войско-польско стояло в нём. Гужевало. И грабило город. Брехт сначала не поверил. Зачем? Это же не чужой город? Это свой.

Прибыли разведчики с языками уже когда стемнело.

– Поясните, почему ваши же войска вас грабят? – спросил Иван Яковлевич старосту какого-то пригорода этого Радома.

– Так мы за коммунистов, а они за большевиков.

Это так Иван Яковлевич себе со смеси польского и идиша перевёл. То есть, глава Мазовецкого воеводства, в которое городок и входит, на стороне Августа Саксонского, а нагрянувшие сюда паны с подпанками за Лещинского. Решили, что раз тут политические враги, то и поступать с ними нужно, как с врагами, и сейчас в городе идёт грабеж, насилие и пьянка.

Ну, ночью лезть в незнакомый город Брехт не стал. Его окружили с трёх сторон и стали ждать рассвета. И первыми на любителей Лещинского решили на совете подполковников запустить в город башкир с луками. Стрельба из ружей сразу тревогу поднимет, а стрела оружие тихое.

– А в кого стрелять? – поинтересовались командиры лучников.

– В того, кто с оружием. Бог своих опознает...

– Как? – майор Акай Кусюмов наморщил лоб.

– Caedite eos. Novit enim Dominus qui sunt eius. Это латынь. По-русски будет звучать примерно так: «Убивайте всех, Господь узнает своих». Это паписты чего-то давным-давно не поделили, вот этими словами командир на такой же вопрос и ответил. Стреляйте не задумываясь. Есть оружие – стрела в глаз. Чем больше убьёте, тем лучше. Среди этих ляхов у нас друзей нет. И остальные-то попутчики, а эти вообще враги.

Башкир два батальона. Это больше восьмисот человек. И почти все проверены и испытаны в набегах на ляхов и крымских татар. По разведанным – поляков больше четырёх тысяч, даже, скорее, пять. Но они после грабежа и пьянки. И у них нет луков. Тот мушкет ещё зарядить нужно. А с сабелькой против лука не просто воевать. И огнестрел теперь есть у всех в полку Святого Георгия. У всех двухствольные пистолеты. По два. То есть, и четыре пули на восемь сотен стрелков умножить надо. И стрелков нормальных.

Очень хотелось Ивану Яковлевичу потряхнуть стариной и ворваться в город среди башкирских лучников. Поулюлюкать, «УРА» покричать, а главное – процессом руководить. Нельзя. В прошлый раз шальное ядро все обрушило, а теперь шальная пуля может. Повздыхал, хотел в очередной раз Акаю указюку выдать, типа, вы там не лезьте на баррикады, если оные возводить начнут. Есть пушки, мы ими эти баррикады сметём. И не стал ничего говорить. Два года учёбы и практических занятий, если не поняли и не научились, то сам виноват.

Отправил башкир Брехт едва первые облака на востоке розоветь начали. Сам же вместе с Густавом Бироном и почти всей артиллерией выдвинулся к предместью городка, из которого вела дорога дальше на юг в сторону Кракова. Решили на совете, что если ляхи и смогут вырваться из города, то будут это делать именно в эту сторону, не совсем же дураки, поймут, что это их русские нагнали. Зарядили мелкие пушки картечью обычной, а большие гранатами и стали ждать. Дорогу в этом месте, чтобы заранее не спугнуть отступающего противника не перегородили в прямом смысле этого слова, но сделали труднопроходимой. На противоположных сторонах вбили в землю колья и натянули в сорока примерно сантиметрах над дорогой верёвки. Десять штук, через каждый метр. Бежевая верёвка почти и не видна на светло-серо-коричневой пыли дорожной. Пушки зарядили, навели на то место, где предположительно куча мала возникнет и сели ждать. До города с полкилометра, не хотел Иван Яковлевич среди кучно расположенных домов из пушек палить, а тут как раз овраг вдоль дороги и потому строений нет. Дальше снова дома, а тут как специально место для засады подготовлено. Ещё и кусты лещины высокие вдоль дороги посажены или сами выросли. Все в листьях широких и серёжках. Пушки издали, да на скорости и не углядеть.

Событие девятое

Там, где пройдет олень, там пройдет и русский солдат. Там, где не пройдет олень, все равно пройдет русский солдат.

Александр Васильевич Суворов

Солнце из-за горизонта, за деревьями не видимого, вскарабкалось уже до самых этих розовых облаков и сделало из красными, а панов не было. В городе шёл бой. Там время от времени слышались выстрелы. Определить на таком расстоянии пистолет пульнул или из мушкета жажнули невозможно. Это, скорее, на треск похоже. Как ветку сухую переломили. Треск слышался с разных мест и не часто. Бывало и минута проходила между выстрелами. Иван Яковлевич нервничать начинал. Нет, в нём того полководческого спокойствия. Отправил людей умирать, ну, так на то и война, умирают на войне, главное – победа. Не такой. Нужно чтобы свои не погибали. Каждый раз, как происходил какой-то бой, на результаты которого сам Брехт не мог повлиять, это чувство в нём возникало, и чем больше времени проходило, тем сильнее волновался.

– Едут! – в рощицу, что ли, лещин со стороны городка ворвался дозорный. Иван Яковлевич подзорную трубу вскинул, раздвинул и навёл на север, откуда должны показаться поляки. Давно хотел себе бинокль сделать. Даже не так, сделал себе из двух труб бинокль. Мастера ювелира придворного озадачил, и тот вполне достойно сварганил прибор. Вот только его разобрать пришлось. Линзы не стандартизированы. Одна раза в четыре увеличивала, другая в три

с половиной. Получилась хрень полная. В мозгу вредные рецепторы отказывались это в одну слитную картинку объединять. Разобрал ювелир назад, и с качанием головы и ворчанием: «Я же говорил», стал подзорные трубы восстанавливать. Всё же немного попрогрессорствовать удалось. Резиновые наглазники Брехту сделали. До гевей далеко, Иван Яковлевич в прошлом году вспомнил, глядя на одуванчики, что по слухам в СССР делали из них резину для шин первых наших авто. Враньё. На два наглазника ушло несколько тысяч корней одуванчика. Половина Риги их собирала. Не, понятно, что часть сока пошла на опыты. Нужно же знать сколько серы добавлять, но несколько тысяч, даже скорее, десять тысяч корней и две малюсенькие детальки. Сколько же надо этих одуванчиков, чтобы шину сделать!? А сотню шин?

– Где? – никого не наблюдалось и, главное, в городе по-прежнему были слышны выстрелы.

И только сказал, как из-за крайних домов перед оврагом и засадой появились всадники. Не много – полсотни. Одеты красочно. И это не гусары. Это паны какие-то. В смысле тут в Речи Посполитой все, кто на конях – паны, но эти уж больно красочно были одеты и лошади под ними были на твёрдую пятёрку. Высокие и мощные. Вот чего русской армии не хватает, да и всей России.

– Не стрелять! Иван, твой ход. Лошади целыми нужны и этих по возможности в плен берите.

А чего? Бирон он или не Бирон. Написано же в учебниках истории, что он по сто тысяч рублей в год тратил на лошадей. (Годовой оклад полковника – пятьсот с хвостиком, так на эти деньги и денщика с вестовым содержать надо). Лошадник проклятый этот Бирон. Конюх до власти дорвавшийся... Через постель. Всё так и есть. Вот и надо соответствовать. Не дай бог, ещё чего положительного в тех учебниках напишут, потом икай на том свете. А то, что он покупал коней *на племя* за границей, когда во всех почти странах это было запрещено, так и ладно. Тратил же государевы деньжищи на хобби своё. Жаль... Жаль, что нет таких коллекционеров сейчас. Кто мешал Лунтику тратить нефтедоллары на строительство автозаводов? Мешал кто-то. А ведь сопоставимо. Лошадь – это в восемнадцатом веке средство передвижения – автомобиль. Но Бирон несколько конезаводов построил и коняками производителями оснастил. И именно кони, разведённые Бироном, позволили России в Реальной истории иметь одну из лучших в мире артиллерию. А может и лучшую. А Лунтик? А ещё именно он (Бирон) придумал интересный ход для развития промышленности. Казна строила заводы и отдавала за копейки их купцам и прочим промышленникам. Разбазаривал государственные деньги Бирон и немцам своим за бесценок заводы продавал. Наоборот всё. Нет денег в том времени у людей. Нет стартового капитала. Нашёл интересный выход из этого тупика Бирон. Немцам? Ну, чтобы заводом управлять нужно образование техническое и возможность нанять специалистов. Ни того ни другого у русских не было. Не вина их. Беда. А промышленность нужно развивать.

– Иван, кони живыми нужны и не покалеченными! – ещё раз прокричал вслед порысившему на юг Ивану Салтыкову Брехт, и чуть сам за ним не поскакал, еле одёрнул себя, да и то Дьявол помог, заупрямился. Завертелся. Не хочет в сечу. Трус! Не выйдет из него боевого коня. На племя пойдёт.

Пока Иван Яковлевич крутился на месте вместе с Дьяволом, пока тот уже совсем дурить начал и захотел на бок брякнуться, герцога придавив, и пока, наконец, Брехт сумел с бешеного жеребца соскочить, преображенцы уже с юго-востока выскочили на дорогу.

Мать вашу! Родину нашу! Ну, ладно ляхи, драпающие из города, не знали про верёвки натянутые и вляпались в ловушку. А Салтыков – придурок мелкий, чего учудил. Олень! Сам в неё тоже влез, и десяток самых прытких преображенцев с собой затащил. Кони попадали сразу с обеих сторон и перекувыркнувшись через голову паны и русские организовали в центре ловушки небольшую кучу малу.

Нда. Как!? Как с этими клоунами воевать?

– Пётр! Бери батальон и туда! – Пришлось ещё одного Салтыкова подключать.

Событие десятое

Если нападаешь на короля, тебе остаётся только убить его.

Ральф Уолдо Эмерсон

Будущий фельдмаршал был последним резервом. Сын Семёна Андреевича – Пётр Семёнович удачно женился в своё время на княжне Прасковье Юрьевне Трубецкой. Не в родовой тоске дело. В самой дивчине. Эта та самая Прасковья, что придумала передать записку Анне Иоанновне в пелёнках Карлуши маленького, года Верховники её в осаде держали со своими кондициями. В знак благодарности при коронации императрица утвердила её в звании статс-дамы, а по совокупным достижениям Семёна Андреевича и Прасковьи в прошлом году весь род Салтыковых, начинающийся с Семёна Андреевича, в графское достоинство был возведён. Петра Семёновича Анхен тоже привечала и даже как-то рыкнула на Бирона, когда тот на её просьбу дать Петру чин полковника хмыкнул, не вижу, мол, заслуг.

– Так увидь.

И Брехт их увидел. Вызвал нового полковника и долго того пытал. Оказалось, что сей хлопец учился за границей на моряка при Петре, но морем не заболел и перешёл в сухопутные войска. А после переворота стал камергером. Иван Яковлевич не так чтобы совсем историю не знал, но не прямо подробно. Как и все, в школе Семилетнюю войну проходил, в которой наши побили знаменитого Фридриха, вопреки союзникам австрийцам, а потом пришёл к власти Пётр третий на несколько месяцев и из-за своей любви к Фридриху сдал Россию. Так в той войне Фридриха бил фельдмаршал Салтыков. Всё. Больше нет знаний. Не запомнилось ни имени, ни отчества. Будет это через тридцать лет. И фельдмаршалу будет шестьдесят лет или около того. Маленький и старенький, это почему-то запомнилось. Эти ещё есть знания, про старенького. Не лишку для поиска. Брехт всех Салтыковых, как Штирлиц, нарисовал на бумажках и разложил на столешнице бюро. Салтыковых полно. А вот подходящего возраста не так и много. Разве Иван Алексеевич ещё подходит, но когда Брехт произносил: «фельдмаршал Иван Алексеевич Салтыков», то не получалось отклика. Выходит, победителем Фридриха станет именно Пётр Семёнович. Тогда нефиг ему делать в камергерах. Иван Яковлевич его изъясил из этого гадюшника и отправил в строящийся Кизляр инспектором министерства обороны. Из крепости новой на Кавказе шли противоречивые доклады, хотелось самому во всём разобраться. Брехт несколько дней провёл с полковником, разжёвывая, все свои хотелки и засыпая советами, что там поправить надо и убедился, что это именно тот Салтыков. Ни грамма дворянской спеси, очень выдержанный и умный человек. Скромный, всё время старается в тень на мероприятиях всяких уйти. А ещё он даже серьёзно удивил Брехта, когда тот ему указивки по Кизляру рассказывал. Граф новоиспечённый достал что-то типа самодельного блокнотика из сшитых небольших листочков и свинцовым карандашом стал слова Бирона записывать.

– А не надо, Пётр Семёнович, ты прав, нужна письменная инструкция. Я её сегодня же вечером накарябаю. Закончили пока.

Вернулся младший Салтыков перед самой войной за польское наследство. В тот день, когда гвардия выходила из Риги. С кучей бумаг.

– А поехали, Пётр Семёнович, с нами. Тебе полезно будет. – И Брехт взял его с собой в качестве адъютанта.

Сейчас с эскадроном кавалергардов он был последним резервом. Остальная гвардия охватывала Радом с противоположной стороны, а артиллерия, на которую Брехт поставил, вдруг, из-за жадности его, оказалась не удел.

– Поспеш на помощь родственничку. Черт бы его побрал! – и опомнившись про себя добавил, – Ай, Иегудиил, не слушай. Это я так, сгоряча.

Преображенцы, между тем, примеру командира последовали не все, большая часть роты коней успела сдержать и в собственную ловушку не угодить. Выглядело поля боя теперь весело. В центре, спотыкаясь о натянутые верёвки, рубились на саблях и шпагах два десятка человек, примерно по десятку с каждой стороны. Преображенцы во главе с Иваном брали верх. Команда брать ляхов в плен там была явно не актуальна, те рубились истово и сдаваться не собирались, но у русских были не шпаги, как у большинства ляхов, а почти прямые длинные сабли и если ею попадали по шпаге, то у панов сразу проблемы появлялись. Шпаги от удара либо переламывались, либо, как красиво описано в «Трёх мушкетёрах», гнулись. В этой головной группе поляков были видимо их князья и прочие магнаты, и вооружены они были шпагами. Не гоже набольшим князьям сабли носить, шпага оружие вельможи. И не боевая тяжёлая, а лёгонькая тонкая игрушка. Не прошло и пары минут, как бой перешёл в рукопашный. Ляхи, лишившись оружия, бросались на преображенцев и тянулись к горлу, надеясь задушить хоть ещё одного русского, с собой на тот свет забрать. Но получилось так себе. Иван Салтыков, прикончив своего соперника, догадался вытащить пистоль и даже, скусив патрон, досыпать на полку пороха. Бабах. Ещё на одного поляка меньше. Запустив разряженное оружие в голову очередному одетому в красный с золотом кафтан ляху, и попав, Салтыков бросился к нему, и воспользовавшись секундным замешательством пана, заколол того. За это время ещё один преображенец добил своего противника, и они вдвоём атаковали следующего. Лях еле отбивался от нападающего на него гвардейца, и атаку с фланга пропустил. Ещё минус один. А дальше посыпалась оборона польская. Впятером против десятерых те не сдюжили, и уже через минуту поле боя осталось за преображенцами.

В это время остальные поляки решили смыться, но дорога только одна – в город или из города. А там башкиры в том городе. И паны ломанулись, не согласовав действия, командиры видимо кончились, в разные стороны. Больше всего повезло тем, кто направил коней на кусты лещины. Умные животные туда не пошли, и подоспевшие кавалергарды заставили ляхов сдаться. Меньше всего повезло тем, кто за каким-то хреном повернул в город. Оттуда как раз, улюлюкая и вопя «ура», вырубивала лава лучников. Стрелы небо не закрыли, но ляхи с коней попадали. Жаль, но и некоторым лошадям досталось. Может, вылечить удастся? Третьей части конницы вражеской тоже не сильно подфартило. Они ухнули в овраг. Он не сильно глубокий, метра полтора и склон довольно пологий, а вот ширина у оврага приличная и попытавшиеся перескочить его ошиблись. Под ними были не Икары. Пару десятков всадников оказались на дне оврага.

– Ох, ноги же лошадам переломают, сволочи, – Иван Яковлевич прикрыл глаза Дьяволу, – нечего на эту дурость смотреть.

Глава 5

Событие одиннадцатое

*Не следуйте тому, куда может привести путь. Иди туда, где нет пути,
и оставь след.*

Ральф Уолдо Эмерсон

От печали до радости – реки и горы
От печали до радости – леса и поля

Антонов в голову пришёл Ивану Яковлевичу, и не только эти строчки всплыли, а даже, скорее, не припев этой песни, а слова последнего куплета:

Но не стало преграды, и нет расстоянья
Наша встреча – награда, ты рядом опять

Не стало преграды. Станислав Лещинский «Божиею милостью король Польский, Великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жмудский, Ливонский, Смоленский, Северский, Черниговский, князь Лотарингии и Барруа» лежал в заляпанной кровью кирасе на пыльной дороге уже облепленный мухами, и оказывать ему медицинскую помощь не требовалось. Из глаза тестя Людовика XV вытекал ручеек крови. Из пустой глазницы. Выстрел Ивана Алексеевича Салтыкова угодил бывшему польскому королю в голову, в глаз. Ранение с жизнью не совместимое. Хорошо это или плохо, но рядом, с перерезанным горлом, лежал и примас, архиепископ Гнезненский граф Фёдор Потоцкий. Кардинал де Флери, который был фактическим правителем Франции, теперь лишился и кандидата своего на польский трон, и главного организатора и сторонника избрания Лещинского королём Польши.

И этого тоже Иван убил. Оба этих деятеля были среди авангарда драпающих из Радома ляхов. Это они влетели в заготовленную ловушку и тоненькими шпажонками пытались противостоять тяжёлым саблям преображенцев. Правильно Брехт сделал, что шпаги в армии запретил. Сегодня Иван Салтыков это отлично продемонстрировал. Длинная прямая тяжёлая сабля, по существу шашка – это действенное оружие, особенно против шпажонки. Брехт понимал, что не всё так однозначно, и чемпион мира по фехтованию, Кровопусков какой-нибудь, уделяет офицера преображенца с шашкой, но Кровопусковых не много, и металлургия не на том уровне. Сейчас содержание углерода в металле почти невозможно контролировать, чего уж получилось, то и получилось. Да, можно улучшить, можно выбрать, можно найти булатную саблю и попытаться перековать в шпагу, но сколько такого оружия, в основном железо низкоуглеродистое, про цементацию не слышали. И проведённые Брехтом опыты показали, что более массивная прямая сабля, либо перерубает шпагу тонкую, либо та сгибается. Не просто воевать «г-образной» шпагой.

Так или иначе, а два руководителя профранцузской партии лежали в дорожной пыли мёртвыми. Рядом стоял довольный Иван Салтыков и бывший русский посланник при дворе Августа Сильного граф Фридрих Левенвольде.

– Фёдор Иваныч, это точно они? – Бирон не понимал, что делать-то теперь.

– Куда уж точнее, – граф и сам стоял, сняв треуголку и затылок почёсывая. Мысли пытались полезные из-под похоронивших их эмоций выскрести.

– И как на это Пруссия отреагирует? – не складывалась в голове у Брехта, получившаяся в результате смерти одного из кандидатов, картина мира. Больно много в этой партии игроков. Как они себя теперь поведут?

– Принц Август Вильгельм Прусский... – Левенвольде замолчал.

Иван Яковлевич о том же самом подумал. В принципе, этот второй по старшинству сын короля Пруссии Фридриха Вильгельма I рассматривался кандидатом на престол Польши, и до этого в герцоги Курляндии. Брехт тогда опередил принца, как и остальных кандидатов. Но Пруссия-то осталась.

– Есть ещё внебрачный сын польского короля и саксонского курфюрста Августа Сильного граф Мориц Саксонский...

Да, и с этим персонажем Бирон знаком. Чуть не отбил тогда у него Анхен. Вовремя Меншиков вмешался. Сейчас во Франции. И если Брехту память не изменяет, покажет себя очень хорошим командующим и станет маршалом.

– Ни того, ни другого кандидата Австрия не поддержит. – Иван Яковлевич, пнул кончиком сапога обломанную шпагу, лежащую рядом с телом Лещинского.

– И сейм не поддержит, тем более, после смерти этого Потоцкого и пленения его брата Старосты Варшавского графа Юзефа Потоцкого, тобой, Иван Яковлевич. Профранцузская партия теперь рассыпется. – Фридрих Левенвольде вновь затылок почесал. – Наверное, конец войне.

– Ох, сомневаюсь. Франции хочется отгрызть у Австрии её владения в Италии и Лотарингии. И сюда попытаются сунуться, отомстить за тестя Людовика.

– Через всю Европу?

– Морем, ну там их Сиверс встретит. Нам-то, что теперь делать. Ни одной мысли нормальной нет. В Кракове делать нечего теперь, там брата за глаза хватит с его корпусом. В Варшаве без Августа Саксонского тоже делать нечего. Ласси Данциг возьмёт. Ха! Если те станут воевать?!

– А я не знаю ответа на твой вопрос, герцог? – граф треуголку напялил. Не смог, выходит, умных мыслей выцарапать из затылка.

– Езжай, Фёдор Иванович, в Саксонию. Зови Августа в Варшаву. Людей... – Брехт остановился.

– Что людей? – Левенвольде отвернулся от трупов к замолчавшему Бирону.

– Да хотел тебе выделить пару батальонов гвардейцев в сопровождение. Передумал. Поедем вместе со всем гвардейским корпусом в Саксонию. И по дороге будем ляхов за Советскую власть агитировать.

– За чью власть. Совета? Сейма, что ли? – посланник чуть не свалился о верёвку, так и не убрannую, споткнувшись. Брехт его еле удержал.

– Сейма. Пойдём через Лодзь и Познань. По дороге во всех городках и сёлах будем рассказывать, что Лещинский мёртв и тело показывать. Чтобы всяких выживших царевичей не образовалось. И примаса тоже показывать будем. Нужно две бочки с хлебным вином приготовить. В них тела повезём.

Событие двенадцатое

Не будь болезней – мы не ценили бы здоровье, не будь бед – мы не ценили бы благополучие, не будь неверия мы не ценили бы веру, не будь смерти – мы не ценили бы жизнь.

Анд аль-Карни

По дороге Иван Яковлевич продолжил знакомиться с бумагами, что привёз из Кизляра Пётр Салтыков. Статистика. С тем, что в Российской империи это наука не пребывала в загоне Брехт убедился, когда захватил Дербент. Из Кизляра тогда ему привезли два воза бумаг, он попросил прислать ему данные, сколько и из чего строили дома в этой крепости, и как там обстоят дела с медициной. Хотел помочь. В Дербенте строительство шло хорошими темпами, а офицеры, прибывшие к нему из оплота Российского на Кавказе Северном, жаловались на разваливающиеся лачуги, в которых им жить приходилось в Кизляре.

Дав своим немцам команду навести в бумагах порядок, Брехт и забыл о тех двух возах древних отчётов за семьдесят лет строительства крепости, а тут немцы – профессора закончили работу и повергли в шок Ивана Яковлевича получившимися у них данными.

– Этого не может быть. – Листая три получившихся листка, вылутился на учёных князь Витгенштейн.

– Есть отчёты за все года кроме 1735 года, когда крепость Кизляр начали строить. В остальном, если сами отчёты верны, и там нет больших приписок, то цифры посчитаны правильно. Есть итоговые отчёты комендантов Кизляра за семьдесят лет.

– Тридцать пять миллиардов брёвен? Семьдесят миллиардов брусьев и сорок миллиардов досок? Это сколько же надо деревьев срубить?

– Семьдесят лет...

– Да хоть сто!

– Так получается по отчётам.

– Мать вашу, Родину нашу! И у них там в лачугах, рушащихся, люди живут? Тут каждому жителю можно по терему возвести. На сруб шесть на шесть, на два с половиной метра нужно пятьдесят брёвен. А здесь пятьдесят миллиардов.

Пришлось тогда отправить туда профессоров ещё раз, чтобы всё досконально сами разнюхали. Суммируя те знания с получившимися сейчас результатами, Брехт всю дорогу писал, теперь сидя в карете, конфискованной в одном их поместий, подробные инструкции освоения Северного Кавказа. Вводных было полно. Но начинать нужно с того, что места для крепостей, что Пётр, что Бирон с Анной Иоанновной на Тереке в Реальной истории выбирали неудачно. Из-за этого куча бед и такой маленький выхлоп при столь грандиозных затратах. Терский городок, существующий там уже чуть не сто лет, в Реале снесут через год и начнут строить Кизляр. А ещё основанное Петром поселение на реке Сулак, куда переселили из России тысячу семей тоже ликвидируют, чтобы Кизляр наполнить народом.

Всё дело в климате... Не совсем. Всё дело в природе. Пусть будет так. Терек река непредсказуемая, часто меняет русло, выходит из берегов, подмывает берег, потому строительство крепостей на его берегу вещь опасная и затратная. Всё время происходят обрушения. И нельзя отойти от реки. Любому поселению нужна вода. Колодцы рыть бесполезно, в них вода солёная. Не прямо как в Каспии, но пить нельзя. Остаётся река. И от неё не уйдёшь далеко. Слишком затратна станет доставка воды. И ещё одну беду несёт река, кроме размыва берега и наводнения. А, две беды. Первая – малярия. Из-за вечно меняющегося русла и обильных дождей там полно озёр и болот в котором процветают комары. Малярия. Осушить болота? Залить их нефтью и резко снизить популяцию комаров? Завезти рыбку гамбузию, которой в Сочи, что ли, памятник поставили? Платанов насадить с эвкалиптами?

Приёмы известные. Куча минусов в каждом. Сочи и Кизляр в разных климатических зонах. Близость степей делает зимой климат по берегам Терека сильно отличным от климата Сочи. Зимой вполне себе минусовая температура. Выживут ли эвкалипты и гамбузия. Зато есть проверенный способ им самим в Дербенте. Там почти тот же климат и шелковица отлично растёт и не вымерзает. Тысячи и тысячи шелковиц, посаженных вдоль Терека и вокруг всех болот не только укрепят берега самого Терека и осушат озёра и болота, но и позволят развить шелководство.

А рыбки? Ну, отправил Бирон во все посольства Европы наказ посланникам. Найти аквариумистов и прочих ихтиологов и попытаться купить у них живородящих рыбок. Гамбузия не единственная прожорливая мелкая рыбка. Гупёшки не менее прожорливы и моллинезия, и пецилия, и меченосцы. Попадётся Гамбузия, берите, дорогие товарищи послы, и гамбузий. Тут дело, наверное, не в конкретном виде, а в том, что рыбки маленькие и живородящие.

Заливать нефтью озёра и болота? Хотел было дать такую команду Иван Яковлевич, но передумал. Именно Пётр Салтыков подсказал, что так делать нельзя. Брехт про то, что он крыши домов дал команду крыть только обожжённой черепицей помнил, и спросил вернувшегося полковника, чем крыше покрыты, думал, скажет тёсом или черепицей. Нет.

– Тростником. Там же вокруг болота сплошные и этого камыша или тростника там сколько хочешь.

Вывод. Нельзя угробить болота и озёра. Тростник ценнейшее сырьё сейчас. И крыша, и топливо, и даже пища в голодный год. Корни сушат и в муку перетирают.

Но это только одна болезнь, связанная с водоёмами. Вторая – это холера. Её вспышки там на Кавказе были и будут. Воду надо кипятить. Для этого нужны дрова и нужны ёмкости. Нет ни того толком, ни другого. Нужно наладить переброску в Кизляр нефти и налить достаточно больших котлов для кипячения воды. Хлорку бы ещё изобрести. Ай. Как? Где? Кто? Нужен хлор, то есть, нужен перманганат марганца. Или электролиз. В промышленных масштабах? Бред. Легче каждому серебряную флягу выдать.

Спирт. Спирт убивает любую гадость. Нужно пить вино, разбавленное водой. На этом пока и остановился. Кизляр, Терский городок и Сулак должны стать центрами виноградарства на северном Кавказе. Мусульманам нельзя пить вино. Ну, нельзя и нельзя, пусть не пьют, а только выращивают.

Событие тринадцатое

Не важно, что вызывает болезнь, важно, что ее устраняет.

Цельс Авл Корнелий

Малярия, чесотка, цинга, сифилис, корь, оспа, венерические заболевания, тиф брюшной и тиф сыпной – именно в таком порядке были записаны основные болезни в Терском городке и вновь отстраиваемом Кизляре. Иван Яковлевич среди прочих указаний, дал команду Петру Салтыкову обязать составить вот этот перечень – с чем обращаются к медикам солдаты, офицеры, казаки и всякие вольные и не совсем поселенцы. Сейчас читал и плевался. Половину болезней можно легко не допустить или резко уменьшить количество больных. Малярию в том числе. Полынь отлично работала, а в сочетании с ивовой корой и побегами малины, так вообще если и не мгновенно ставила больного на ноги, то за неделю поднимала, и смертельных случаев почти не стало.

Оспа. Чёрт бы её подрал. Со страшным скрипом шла вакцинация. Два года прошло, как он сам привился, а сейчас даже в армии едва треть привита, что уж говорить про простых людей. А вот дворянство привито очень прилично. Подействовал указ о запрете выезжать без прививки из страны и запрет нотариусам (стряпчим) обслуживать людей без справки. Крестьян это не коснулось, а дворянам привиться пришлось. У купцов вообще почти сто процентов привито, или куплено справок. Но тут особо не разгуляешься. Брехт же не первый год в России живёт и мультик про бегемота, который боялся делать прививки смотрел в голопузом детстве. Придумал для трусов мотивацию. Если от оспы умрёт человек обладающий справкой, то врача вешали (шутка, отправляли лечить людей на Колыму и ещё дальше), а завешание аннулировалось и всё имущество умершего переходило в казну. Случаи были, но единицы. На Колыму немецким докторам не хотелось. Это он у Анхен такой Указ подписал. Назывался красиво. «О

нарушении клятвы Гиппократ». Среди купцов, желающих подделывать справку, особо и не было, там был ещё стимул, пайщиком Коммерческого Купеческого банка можно стать только привившись, ссуду взять в нём или наоборот положить деньги в рост тоже мог только человек с красивой, типографским способом оформленной справки. На этом типографии приличные деньги заработали, гербовая бумага с водяными знаками единого государственного образца, а не фитюлька с накарябанными криво латинскими буквами – так выглядела справка о наличии прививки от оспы. Статистика велась. Умирало при прививке пять – семь человек из тысячи в зависимости от региона. Много? Ну, уж точно лучше, чем когда при эпидемиях на тот свет каждый третий отправлялся.

В армии не привит остался в основном как раз Низовой корпус. Иван Яковлевич туда лезть с прививками опасался, там люди, ослабленные малярией и всякими прочими специфическими болезнями. Нужно сначала провести ротацию, а для этого людей здесь привить сначала надо. Заколдованный круг. Но вот закончится войнушка в Польше и можно будет всерьёз заняться Кавказом.

Цинга? На юге? Это пипец. Иван Яковлевич был на сто процентов уверен, что это болезнь моряков и полярников. А вот болеть и умирать от неё на Кавказе, который житница и здравница. Что пошло не так? Мало денег на питание выделяется, и люди одним хлебом и кашами на льняном масле питаются? Цинга? А почему цингой болели два царя: Фёдор и Иоанн? Опять свинец? В вине? Ерунда! Кто солдатам даст дорогое заграничное вино, тем более на Кавказе? Посуда? Дал команду проверить и ежели обнаружится свинцовую посуду изъять.

В результате сейчас Брехт сидел в карете и делился главным секретом столетия. Уйдёт же за рубежи. И это хреново, пусть наглы, и прочие голландцы с французами мрут от цинги. Но своих жалко. А потому Иван Яковлевич подробно описал, какие вещи позволят цингой не болеть. Нужны витамины. Чеснок, смородина, шиповник, квашеная капуста.

Морякам сейчас всем выдаются мешки с сушёной смородиной и мешочки с чесноком. Любой корабль, уходящий в плавание больше, чем на неделю, должен взять с собой несколько бочек квашеной капусты и сушёных ягод смородины или шиповника. Эти продукты сейчас активно казна закупала у населения. Детвора всей страны осенью уже второй год прочёсывает леса в поисках этих ягод. Кроме капусты Брехт дал команду ещё и черемшу мариновать. С флотом только разобрались, а тут оказывается, что тридцатипятидесятый Низовой корпус тоже болеет цингой. Это много. Столько смородины засушить не просто. Ну, пусть попробуют там найти лекарство и витамины, главное – понимать от чего эта болезнь, и как её лечить? Вроде, отвар их свежей хвои помогает и молодые побеги сосны. Хвойных на Кавказе хватает, пусть попробуют.

Дальше шёл сифилис. Это понятно. Это бич в армии. И нет возможности с ним побороться. Основной, мать его, инстинкт.

Иван Яковлевич подчеркнул слово в записке и задумался. Провести тотальную проверку и отселить сифилитиков отдельно? А причину? Ну, девах? Создать нормальные публичные дома с докторами при каждом. Бред?! А что делать? И лечат сейчас мазями на основе ртути. Которые практически не помогают, а вот здоровью вредят конкретно, хотя... Какое здоровье у сифилитиков?

Нда, а ведь нет способа из эпидемии просто заболевание сделать, кроме как отселение. И ежеквартальное обследование. Без микроскопа? Без микроскопа. Левенгук? Умер десять лет назад. Но несколько микроскопов, пока, наверное, купить можно. И нужно. Прямо срочнее срочного. Блин блинский, раньше-то, чего не вспомнил, – Брехт себя по лбу шлёпнул и, оставив сифилис на завтра, сел писать письмо русскому посланнику в Роттердам. Брехт на уроках физики детям про голландского лавочника рассказывал. Даже цифру сейчас вспомнил. Мастер изготовил двадцать пять микроскопов из которых несколько увеличивали более чем в двести раз, по слухам был даже один с пятисоткратным увеличением.

«Любые деньги» – сделал он приписку в конце письма. Потом подумал и добавил «Совсем любые и как можно больше (не денег, а микроскопов), за десять купленных – орден Андрея Первозванного».

Глава 6

Событие четырнадцатое

Ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые новшества; всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании.

Мишель де Монтень

Среди бумаг, доставленных полковником Петром Семёновичем Салтыковым с Кавказа, попались Ивану Яковлевичу и постановления суда. Тоже сам попросил их привезти. Подумалось тогда, что не плохо бы понять, есть там казнокрадство и приписки, либо на самом деле такую прорву дерева за семьдесят лет освоения Северного Кавказа извели. Были бумаги по воровству, но бытовому. Один солдат у другого украл пару рублей или денщик у офицера спёр, но коррупционеры либо не попадались, либо их не было. А вот одна бумага Брехта заинтересовала. Она настолько выбивалась из прочей мишуры мелкой, что Иван Яковлевич её несколько раз прочёл. Полковник Навагинского пехотного полка Дебеусобрия проявил медлительность выполняя приказ губернатора Астрахани о скорейшей его отправке из Астрахани в Кизляр. По мнению судей и по силе военного артикула виновные подлежали разжалованию в солдаты: полковник Дебеусобрия на год, а исполняющий обязанности майора капитан Тимонин на полгода. Но потом приговор смягчили, а «чтобы впредь осторожно поступали вычесть из их жалования на госпиталь на полмесяца».

Брехт, прочитав, глаза прикрыл и представил себе картину. Вбегает генерал-майор в штаб полка и стукнув ладошкой пухлой по столу требует. А подать мне карету и сопровождение эскадрон до Кизляра.

– Это же три, а то и пять дней пути, подготовиться надо, Ваше Превосходительство, – говорит ему этот самый Дебеусобрия. Странная фамилия. Из грузин, ну там на Кавказе все фамилии странные. Но раз человек стал полковником, читай командиром полка в Низовом корпусе, то человек храбрый и ответственный, там дураки долго не живут, как и бездельники, – подготовиться нужно, опять же татары озоруют по дороге, а сейчас дожди, порох отсыреет, ружья использовать нельзя будет.

– Ах ты, гад бусурманский, мне препятствия чинить, да я тебя в Сибирь! Под суд отдам! – и отдал.

Астраханского губернатора Брехт знал. Не так. Не первый раз попадалось ему об этом генерале упоминание, и все не о достижениях, а об нерадении и перегибах. Сидел там сейчас генерал-губернатором генерал-майор Измайлов Иван Петрович. Занял он этот пост, понятно, по приказу Бирона. Но лично знаком с ним Брехт не был, просто подмахнул приказ о назначении, который подготовил его заместитель по кадрам, князь Голицын, навязанный Сенатом. Астрахань город важный и Иван Яковлевич тогда поинтересовался у помощника, нет ли выбора, на что получил ответ, что более генералов в Астрахани нет, а этот служил ещё при Волынском. Так себе характеристика, один из главных казнокрадов и вымогателей «подарков» был, да есть, этот Волынский, но раз альтернативы нет, то и подписал тогда Иван Яковлевич приказ о назначении Измайлова генерал-губернатором.

Пора с этим товарищем разобраться. А ещё пора разобраться с медициной в армии. Она сейчас платная. Не прямо огромные деньги с больных гребут, она странно платная. Будто кто решил медицину в армии нарочно дискредитировать. По Указу Петра Великого от 12 декабря 1721 года у всех военных чинов – от полковника до извозчика при выплате денежного жалования вычитать «в госпиталь» по одной копейке с каждого рубля и отдавать лазаретному комис-

сару, а за пребывание в госпитале, у военного вычитать половину его жалования. Кроме этого, госпиталь должен был обслуживать местное население, с которого тоже собирали подушные деньги на госпиталь. Вообще, указ Петра был странный. Там перечислялось десятков пунктов, в которых подробно описывалось откуда брать деньги на госпиталь, в том числе и с какой-то продажи рыбы. Зачем это было сделано Петром понятно. Нет у него денег, вот пусть госпиталя и сидят на самокупаемости. Ну, это же бред. Медицина в армии, при большой скученности народа – это главная вещь, за которой нужно следить и улучшать всеми силами, а не заставлять докторов, да хоть специальных комиссаров собирать деньги с какой-то рыбы.

Иван Яковлевич себе очередную пометку сделал в блокнотике, пора реформу военной медицины начинать. Небоевые потери в предстоящей войне с Турцией – это бич настоящий. И приличная часть из них из-за плохой медицины. В основном, конечно – дебильная логистика у Миниха и Ласси, но и отвратная медицина руку приложила.

Нда, а к чему сейчас не нужно в армии руку приложить? И питание, и медицина, и лошади, и форма... И сифилис. Чёрт бы его побрал.

На Кавказе в Реальной истории именно сейчас сносили Терский городок и ещё несколько мелких крепостей и поселений, чтобы обеспечить строителями и народом Кизлярскую крепость. Самое интересное, что Брехт точно знал, что все эти деньги огромные и силы потраченные – на ветер. Никто штурмовать Кизляр не будет. Тысячи жизней и миллионы деревьев загублены зря. А ещё миллионы рублей. Если бы те деньги пустить на обустройство полков Низового корпуса и медицину, то там бы к девятнадцатому веку на месте Кизляра был самый крупный и обихоженный город в мире.

Брехт решил ошибки не повторять. Он не тронул ни Терский городок, ни поселения основанное Петром на берегу реки Суал. Наоборот, он направил туда дополнительно переселенцев. Приличную часть угоняемых с Речи Посполитой башкирами людей туда отправляли, плюс всех выкупаемых из крепости в Курляндии летгалов переселяли на Кавказ. Ещё Брехт ввёл Указом Анны Иоанновны налог на князей и прочих графов с баронами. Князь – поставь для отправки на Кавказ десять семей крепостных, граф – пять семей. Барон – две семьи. Всех крепостных по прибытии верстали в терское казачество, но первое поколение от службы освобождалось. Паши землю, строй дом, расти детей. Вот эти дети мужеску полу и станут уже настоящими казаками. Князья и графья не только должны крестьян выделить, но и деньги на обзаведение на Кавказе этими переселенцами скотом. Благо калмыки охотно продавали своих неприхотливых лошадок, у местных можно со временем прикупить и коров с овцами. В Реальной истории Анна Иоанновна выпустила Указ о запрете продажи за границы России, особенно на Кавказе скота. Брехт его написал, даже раньше, при этом и дальше пошёл, ввоз скота (любого) не обкладывался пошлиной. Так потащили через границы верблюдов соседи. А чего, прикольно. Иван Яковлевич дал команду сформировать из калмыков эскадрон верхом на верблюдах. Вот глаза вылезут у французов из орбит, когда верблюжий эскадрон понесётся на их стройные ряды в Лотарингии.

Это всё конечно крохи. В смысле переселенцы, насильственно отправленные на Кавказ, основную массу всё же создавали добровольцы. Всех прибывших по их желанию верстали в терское казачество. Там по обоим берегам Терека сейчас станицы растут как на дрожжах.

Как обезопасить границу от набегов супостатов, желающих пограбить? Это же не регулярная армия нападает. Это мелкие банды горцев или татар крымских и кубанских. Да можно отгородиться крепостями с солдатскими гарнизонами. Как в реальной истории и поступили. А можно резко увеличить там население. И не крестьянами бесправными, а казаками. В эту игру с набегами можно вдвоём играть. Набежал какой придурок кумыкский и пограбил станицу, ну, попытался пограбить. Отбились казачки пусть и с потерями, а потом десяток станиц собирается и ответный визит «вежливости». Алаверды. И всем ограбленным аулам пояснить, что ещё один набег и вырежут всё население до самого Дербента. Вы там передайте особо

воинственным, что вон в той стороне Османская Империя и там грабить можно. Да, хоть Азов разграбьте, а сюда низя, тут огребёшь. Не поверят с первого раза и даже мстить придут. Но с третьего раза дойдёт до всех. Тупоголовые и пассионарные просто кончатся – вымрут.

За два года удалось увеличить «русское» население Северного Кавказа в десять раз. Больше тридцати тысяч человек отправили. А крепости со всякими рavelинами строить не стали. Ограничились небольшими фортами с артиллерией, разбросанными по обоим берегам Терека. А Моздок. Моздок строится. Там будет главная военная база русской армии на Кавказе. Только не стены строятся, а казармы и госпиталя. Гостиницы для торговцев и школы для детей. Кирхи для прибалтийских и немецких переселенцев и церкви для русских и украинцев. Десятки мечетей для местных, которые стали потихоньку спускаться с гор и селиться в низине.

Ещё бы с оспой, малярией и сифилисом покончить и замечательное место будет на карте России, которое даст толчок для перестройки всего государства.

Событие пятнадцатое

Чем преступнее доходы, тем они больше.

Оноре де Бальзак

«Принцесса Анна», «Стор-Феникс», «Россия», «Эсперанс», «Митау» и «Арондель». Это не бред сумасшедшего. Это названия шести фрегатов, что оказались, пусть и после серьёзного ремонта, пригодными к переходу в Охотск вокруг Африки. Как там в комедии: «грешно смеяться над больными людьми». Какой уж тут смех. Что за воспалённое воображение заставило назвать российский фрегат прекрасным именем «Арондель». Кто этот Арондель в честь коего корабль назвали?

Город в Англии, в графстве Суссекс. Это так адмирал Сиверс Брехту пояснил. Про «Стор-Феникса» Иван Яковлевич у адмирала даже спрашивать не стал. Не интересно. Большинство кораблей куплено в Англии или Франции, их даже переименовывать не стали. И пусть, Принцесса Анна, так Принцесса Анна, когда Пётр сам свои кораблям названия давал, получалось в сто раз хуже. В Азовской флотилии по документам, присланным в министерство, были гораздо интереснее названия: «Барабан», «Спящий лев», «Старый дуб». А 36-пушечный баркалон «Три рюмки»? Ещё один постройки 1699 года также 36-пушечный баркалон «Стул».

Брехт велел корабли не переименовывать и даже русские буквы в названиях заменить на латинские. И это не из-за любви к англам или лягушатникам. Море-окиян большое, там всякие пираты английские и французские плавают, а ещё военные корабли этих стран. Вдруг примут за своих. Все шесть трёхмачтовых фрегатов были перевооружены. Стояли на верхней палубе двухпудовые единороги, а на корме и вовсе чудовищные мортиры пятипудовые. Если такой пятипудовой бомбой прилетит во вражеский корабль, то от него даже щепок не останется. Главное – попасть. Тем не менее, Брехт перестраховался, можно же наткнуться на эскадру французскую, а там четырнадцать линейных кораблей. И среди них есть огромный трёхпалубный «Меркюр» с 88 пушками. А в сумме тех пушек на четырнадцати кораблях как бы не восемь сотен. В основном всё же поменьше корабли, флагманский «Флёрон», с командующим эскадрой лейтенант-генералом графом ля Люзерном на мостике, имел только шестьдесят орудий.

На счастье, или на беду, для русских фрегатов, с французской эскадрой они не столкнулись. На счастье, всё же. Там на наших фрегатах полно плотников и прочих столяров с корабелями на борту, собранных по всей стране, жалко если тупо в бою погибнут. В это дело Россия кучу денег и ресурсов вбухала. Они нужны на Дальнем Востоке для броска в Америку. Молиться нужно, чтобы доплыли.

Русским повезло. Не столкнулись с французами, разошлись краями. А вот эскадре графа ля Люзерна повезло меньше. С самого начала у французов всё пошло через задние ворота.

Начать стоит с того, что французские моряки не частые гости в Балтийском море. Французы имели и пеньку, и дубы свои, и у России практически ничего не покупали, в дела северных Прибалтийских стран Людовики тоже не лезли почти, а если и лезли, то не военной силой, а деньгами. Потому, решение отправить в Данциг эскадру с десантом стало для кардинала де Флери большой проблемой. Головной болью на целый год.

Тут стоит ещё заметить, что три года назад в 1730 году политическая карта Европы настолько кардинально поменялась, что все участники этих переделок до сих пор не поняли, что живут в новой реальности. Существовали в Европе два союза – Ганноверский (Англия, Франция, Пруссия) и Венский (Испания, Австрия и Россия). И тут бабах и Франция с Испанией (два Бурбонских дома) решили объединиться. Союзы рассыпались. Мелкие страны ориентир потеряли и затаились, а Австрия с Россией оказалась в союзе со своим врагом Англией. Хуже всего пришлось прусакам.

Прусский король Фридрих Вильгельм I решил сохранить нейтралитет в войне за Польское наследство и даже попытался запретить российской артиллерии, предназначавшейся для осады Данцига, пройти через его территорию. Это в Реале. Сейчас же Ласси просто шёл через территорию Пруссии кратчайшей дорогой к Данцигу, и король, а это батянька Фридриха Великого, сделал вид, что не в курсе этих событий, у него там смотр и парад в Берлине. Это очень далеко от Данцига. Тем более, что нейтралитет-то нейтралитетом, но как князь Священной Римской империи он выставил корпус в 6000 пехотинцев, который, потихоньку, продвигался к Рейну. Георг II, как король Великобритании, тоже оставался нейтральным, но как ганноверский курфюрст предоставил в распоряжение императора те же 6000 солдат и вдобавок задержал в Ганновере французского, испанского и сардинского посланников. А ведь французскому флоту предстояло пройти через пролив.

Как только скончался Август Сильный, так Франция стала готовить к походу флот Океана. В Бресте, Рошфоре и Тулоне занялись оснащением кораблей для экспедиции на Балтику. Сразу посыпались проблемы. Начать надо с того, что воды Балтики были французам совершенно не знакомы, и по всей стране пришлось спешно искать капитанов и лоцманов, которые ходили в этот район. Всех их собрали в Кале, и посадили на корабли. Не густо таких знатоков сыскалось. На каждом судне в помощь капитану был выделен моряк, знавший климатические и навигационные условия Балтики и проливов Большой и Малый Бельт, поскольку этот район изобиловал мелями и банками. Ничем французам это не помогло. Едва флот Океана, состоящий из четырнадцати линейных кораблей, вошёл в Балтийское море, как разыгрался сильнейший шторм. Русские корабли сгнили, пока императоры с императрицами после Петра первого на престоле менялись. А что французский флот не гниёт? Да ещё быстрее. Там тёплые воды и древоточным червям раздолье, и, как и Пётр в России, во Франции спешили сделать флот, а потому тоже на сырую древесину налегали. В результате получилось вот что. Шторм длился два дня. И швырял французские корабли многопалубные, как щепки. Через день после шторма восемь истерзанных французских судов вошли на рейд шведского Гётеборга, так как Швеция разрешила французам использовать свои порты в этом конфликте. И тут скандалчик нарисовался. Французы были уверены на все сто процентов, что в Гётеборге к ним на суда сядут шведские войска. Десант. И по этой причине не взяли с собой ни одного французского солдата. А парламент Швеции решил не вмешиваться в споры вокруг польского престола. Огребли уже от России и подставлять левую щёку не спешили. Тогда, на следующий день после ушата холодной воды, французские корабли перешли в датский Хельсингёр. Переговоры с датчанами были трудными и долгими. За это время к эскадре присоединился отставший «Аргонот», который перед островом Анхольт полностью лишился якорей. В Гётеборг же отправился корвет «Медюз» с приказом отставшим кораблям держать курс на Копенгаген. А восемь линейных кораблей вошли на рейд датской столицы. Повреждения у кораблей ля Люзерна были довольно велики: «Конкеран» шёл с фальш-мачтой и временным рулём, на «Тулузе» тоже сломало руль.

В это время до Дании дошли вести о взятии Варшавы русскими, и французский посол в Дании – Плело настоял на выход флота к Данцигу для демонстрации силы. А ещё, чтобы спасти тестя Людовика, ведь прибывший гонец сообщил, что Лещинский отправится из Варшавы в Данциг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.